РУСКАЯ ИСТОРІЯ,

СОЧИНЕННАЯ

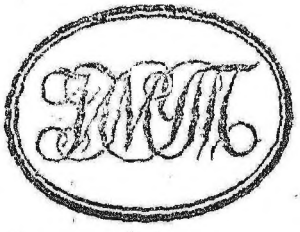
СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Изданіе третіе и вновь дополненное.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1825.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Декабря 22 го дня 1824 года. *О. П., Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*



ОГЛАВЛЕНІЕ И СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Отъ занятія Парижа до вторичнаго вхо да союзныхъ войскъ въ сію столицу Франціи,

то есть отъ 19 Марта 1814 до половины 1815 года.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Внутреннее состояніе Парижа во время пребыванія союзныхъ войскъ подъ стѣнами его. — Раздаешся голосъ въ пользу Бурбоновъ. — Гремятъ проклятія противъ Наполеона. — Раздача бѣлыхъ банпювъ. — Знатнѣйшія женщины участвуютъ въ семъ подвигѣ. — Нетерпѣливое ожиданіе Парижскихъ жителей входа союзныхъ войскъ. — Устроеніе союзныхъ Гвардій. — Рѣчь Россійскаго ИМПЕРАТОРА *Мерамъ* города Парижа. — Союзные Монархи направляютъ путь къ предмѣстію *Сенъ-Мартенъ*. — Восторгъ Парижскихъ жителей. — Привѣтливость союзныхъ Государей. — Роялисты испрашиваютъ позволеніе выставить *бѣлое знамя* на *Тюльерійскомъ дворцѣ*. — Согласіе Монарховъ. — Союзные Государи останавливаются на *поляхъ Елисейскихъ*, гдѣ мимо ихъ проходятъ войска. — Объявленіе, сочиненное Гра-

фомъ *Нессельроде* съ Княземъ *Талейраномъ*. — Парижскіе жители хотѣли низвергнуть сшатую *Наполеона*; ихъ остановили. — Прошеніе Роялистовъ на имя союзныхъ Государей. — Россійскій ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ въ полночь Роялистамъ, что Онъ ни съ *Наполеономъ* и ни съ кѣмъ изъ его семейства не вступитъ въ переговоры. — Отчаяніе *Наполеона* при полученіи извѣстія о занятіи Парижа союзными войсками. — 20 Марта воспослѣдовало воззваніе Префектовъ *Сейнскаго Департамента* къ жителямъ Парижа. — АЛЕКСАНДРЪ Первый обезпечилъ личность и собственность Парижскихъ жителей. — Генералъ Сакенъ назначенъ Генералъ-Губернаторомъ Столицы Франціи. — Нѣкоторыя подробности о семъ Рускомъ Полководцѣ. — Воззваніе Совѣта Городской Парижской Думы. — Объявленіе Всероссійскаго ИМПЕРАТОРА. — Французскій Сенатъ собирается подъ предсѣдательствомъ Князя *Талейрана-Перигора*. — Войско Французское освобождается отъ присяги *Наполеону*. — Письмо Князя *Шварценберга* къ Маршалу *Мармонту*. — Союзные Монархи посѣщаютъ шеатръ: общій восторгъ зрителей. — Разномысліе Сенаторовъ — 23 Марта Сенатъ изрекаетъ низверженіе *Бонапарта*. — Сенатъ представляется ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. — Рѣчь ГОСУДАРЯ Сенату. — Марта 23 Маршалъ *Мармонтъ* отклонился отъ Наполеона. — 27 Марта 1814 г. Наполеонъ

отрекся отъ престола. — Бурбоны извѣщаются въ предѣлахъ Англіи о призывѣ ихъ на древній престолъ Франціи. — Въѣздъ Короля Людовика XVIII въ Лондонъ. — Разговоръ его съ *Принцемъ-Регентомъ*, нынѣшнимъ Англинскимъ Королемъ. — 29 Марта *Веллингтонъ* подъ *Тулузою*. — Жители Тулузы, не зная еще о взятіи Парижа, провозгласили Бурбоновъ. — Въ тотъ же день, 29 Марта, совершалось моленіе въ присутствіи союзныхъ Государей на площади, гдѣ погибъ злополучный *Людовикъ* XVI. — Въ сей же день ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ Орденъ Андрея Первозваннаго *Лагарпу*. — Нѣкоторыя подробности о *Лагарпѣ*. — Апрѣля 3 прибылъ въ Парижъ Австрійскій Императоръ. — Рѣчь Князя *Талейрана* сему Монарху отъ лица Сената. — Отвѣтъ Императора. — Сенатъ домогался похитить законодательную власть. — Возраженіе Аббата *Монтескю*, Члена *временнаго правленія*. — Манифестъ Французскаго народа. Въ оном между прочимъ сказано: „Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ непрестанныя бѣдствія поражали Францію. Погибъ добродѣтельный *Людовикъ* XVI, погибла супруга его, погибъ юный ихъ сынъ. Губители человѣчества овладѣли Франціей. Мучительство и убійство распространили въ ней повсемѣстно грозное свое владычество. Консулъ Бонапартъ нарекся Императоромъ. Нашлись раболѣпные наперсники мучительной его власти. Они назвали *ве-*

ликимъ убійцу Принца *Енгіенскаго* и гонителя *Моро*. Они вѣроломными внушеніями приготовили опустошеніе Франціи, гибель семействъ, низпроверженіе олтарей вѣры, похищеніе Испаніи, Германіи, Голландіи, Италіи. Заграбя всѣ сокровища, они усиливались неистовую ярость переселить во всѣ сердца къ поддержанію губителя Франціи и человѣчества. Къ оболщенію умовъ, они изобрѣли *новый языкъ*. Бѣдственныя пораженія называли они побѣдами, люотость человѣколюбіемъ, безуміе мудростью, истребительную ярость — человѣколюбіемъ!

„Нѣтъ! они не повѣренные, не предстатели народа; они сообщники *Роберспьера* и *Бонапарта*. Двадцать пять милліоновъ Французовъ устремляются въ объятія Людовика XVIII; возстанавляютъ въ лицѣ его права предковъ; изгоняютъ Сенатъ, который подъ мирною личиною болѣе еще терзалъ Францію, нежели и тигръ, похитившій престолъ.“

8 Апрѣля 1814 г. отправленіе Бонапарта на островъ *Эльбу* въ сопровожденіи *Коммисаровъ* союзныхъ войскъ. — Сенаторы Наполеоновы домогаются удержать прежніе свои доходы. — 12 Апрѣля 1814 г. выступилъ на берегъ Франціи Людовикъ XVIII. — ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ посѣтилъ его въ *Компіенѣ*. — Мысли Сочинителя *Исторіи политики Европейскихъ Державъ* о возстановленіи Бурбоновъ. — Король Французскій до входа въ Парижъ возра-

жаетъ противъ постановленій Сената. — По прибытіи въ древнюю столицу Бурбоновъ, Людовикъ посѣщаетъ храмъ Божіей Матери. — Встрѣча въ Тюльерійскомъ дворцѣ дщери злополучнаго Людовика XVI. — 6 Мая воззваніе Графа *Беннингсена* къ жителямъ города *Гамбурга*. — 18 Мая 1814 г. подписанъ миръ между Франціей и союзными Державами. — Въ тотъ же день воспослѣдовалъ въ Парижѣ Манифестъ Всероссійскаго ИМПЕРАТОРА. —

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

27 Мая ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ отправился въ Англію. — На возвратномъ пути въ Россію, назначенные отъ всѣхъ Государственныхъ сословій депутаты предлагали АЛЕКСАНДРУ Первому наименованіе: „Благословеннаго.“ — Отвѣтъ ГОСУДАРЯ отъ 30 Іюня 1814 г. — Прибытіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ С. Петербургъ. — Высочайшій Манифестъ, воспослѣдовавшій въ день 30 Августа того же года. — Того же числа Высочайшій Рескриптъ къ Графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву. — 14 Сентября отъѣздъ ГОСУДАРЯ на Вѣнскій *Конгрессъ*.

СТАТЬЯ ТРЕТІЯ.

Произшествія до половины 1815 года. — 15 Февраля 1815 г. Бонапартъ бѣжалъ съ острова *Эльбы*. Находясь уже въ открытомъ морѣ, онъ сказалъ Генералу *Друо*: „Естлибъ я послушался мудреца, то теперь не былъ бы здѣсь.“ Въ то же время объявилъ онъ, что *значительнѣйшія Парижскія лица* произвели возмущеніе и учредили *временное правленіе* (1). 17 Февраля Эльбскій бѣглецъ выступилъ на южной берегъ Франціи. Быстро стремился Бонапартъ къ пагубѣ своей. *Марсельскіе* жители убѣждали своего Генералъ-Губернатора Маршала *Массену*, чтобы онъ немедленно позволилъ имъ идти къ отраженію Бонапарта; Массена отвѣчалъ: *ступайте! но это безполезно: я все расчелъ, все предусмотрѣлъ.* Марсельскіе жители говорили: „Когда Бонапартъ владычествомъ своимъ обременялъ Францію, то не затруднились бы отражать оружіемъ, естлибъ кто изъ Бурбоновъ выступилъ на *Прованскій берегъ*: въ одно бы мгновеніе низвергли всѣ преграды. Массена не цѣпенѣлъ бы три дни въ пагубномъ бездѣйствіи.“ Жители *Дина* встрѣтили Бонапарта съ холодностью. Всѣ лавки были заперты. Потребовавъ *Мера* сего города, Бонапартъ сказалъ: *Жребій мой зависитъ*

(1) Смп. Исторію походовъ 1814 и 15 г. *Альфонса Бошама*, Часть 3, стр. 144.

отъ войска.“ Уже шесть дней *бѣглецъ Эльбскій* дѣйствовалъ невозбранно и дошелъ до *Гренобля*. Проѣхавъ мостъ на *Дурансѣ*, Наполеонъ воскликнулъ: *Мы спасены!* Меръ сего города, первый подавшій примѣръ измѣны, вскричалъ: *да здравствуетъ Императоръ*. Бонапартъ направилъ путь къ *Ліону*. Графъ *Дартуа*, братъ Короля, поспѣшавшій туда съ Маршаломъ *Макдональдомъ*, въ воззваніи своемъ говорилъ: „Кажется, что Провидѣніе поразило Бонапарта ослѣпленіемъ; Оно готовится довершить опредѣленіе судебъ своихъ и подать вселенной великій и ужасный урокъ.“ Все было тщетно. Бонапартъ, противоборствовавшій всѣмъ внушеніямъ разсудка и опыта, вступилъ въ *Ліонъ*. Уличные и развратные бродяги привѣтствовали его сими неистовыми словами: *да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ смерть! да низвергнется Богъ! да воскреснетъ адъ!* отъ сего буйственнаго вопля даже и Бонапартъ содрогнулся (1).

Между тѣмъ *Ней*, обольщая жителей *Франшконте* мнимою приверженностію къ Королю, говорилъ: „Мы увидимъ пятое и послѣднее дѣйствіе Бонапартовой трагедіи. Пойдемъ противъ него; разобьемъ его, какъ бы то ни было. Этотъ человѣкъ не можетъ существовать со мною на одной землѣ. Если солдаты мои измѣнятъ, я

(1) Смп. Исторію походовъ 1814 и 15 г. Часть 5, стр. 205.

вызову его на дуэль и убью. Словомъ, этотъ подлецъ не умѣлъ даже и умереть.“ Такъ говорилъ *Ней*, и вскорѣ потомъ передался Бонапарту. Но измѣна тщетно пролагала *бѣглецу Эльбскому* пути къ *Парижу*: душа его была въ необычайномъ волненіи. Остановясь въ одномъ изъ *Шалонскихъ* постоялыхъ дворовъ и слыша восклицанія бродягъ, онъ сказалъ съ досадою: *это не восклицанія; это вопль ярости. Я вижу здѣсь одну чернь.*

Неминуемая опасность угрожала Парижу. Людовикъ учредилъ совѣтъ, подъ собственнымъ предсѣдательствомъ. „Достигнувъ шестидесяти лѣтъ,“ говорилъ онъ: „мнѣ всего пріятнѣе умереть за мой народъ. Ничего не страшусь за себя; но страшусь за Францію. Тотъ, который возжигаетъ въ нѣдрахъ нашего отечества пламя междуусобія, тотъ привлечетъ въ него и свирѣпство войны иностранной. Онъ хочетъ порабощить Францію желѣзному своему игу.“

По выходѣ Короля изъ Совѣта, *Лене*, Президентъ Камеры Депутатовъ, произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ: „Мы призвали Короля и вручили ему окровавленную корону его брата. Мы его призвали; всѣ Французы просили у него *хартіи*. Онъ намъ ее далъ; она была принята единодушно: и вы знаете, какъ свято Король ее сохранялъ. Онъ старался погашать страсти и мщеніе, всегда готовыя вспыхнуть. Вселенная съ удив-

леніемъ взирала на успокоенную Францію. Никогда не процвѣтали съ такимъ блескомъ учрежденія и свобода общественная. Неусыпно занимался съ нами Король усовершенствованіемъ нашихъ постановленій; и внезапное *появленіе* произвело общее изумленіе. . . . Боже! какимъ бѣдствіямъ подвергнется наше отечество! И самая непоколебимая душа содрогнется: воображеніе озаряется Московскимъ пожаромъ и пламя его отражается на древней *Луврской колоннадѣ*."

Составился заговоръ, чтобы захватить весь Королевскій Домъ; вѣрность разрушила оный.

Ней ночью прискакалъ верхомъ къ Бонапарту въ *Оскарѣ*, и бросясь на колѣна, вскричалъ: „Васъ ли, Государь! я вижу?" — Бонапартъ приподнялъ Нея и сказалъ: „Не у ногъ моихъ, ты долженъ быть у моего сердца."

Чѣмъ ближе подходилъ Бонапартъ къ Парижу, тѣмъ болѣе надѣялся захватить Короля и весь его Домъ; но Провидѣніе спасло *Людовика*. Онъ выѣхалъ изъ Парижа 7 Марта въ сопровожденіи вѣрныхъ служителей престола. Уже на чертогахъ Тюльерійскихъ развѣвалось трехъ-цвѣтное знамя; буйные воины окружали оное. Внутри дворецъ былъ освѣщенъ; снаружи все было во мракѣ. Раздался шумъ кареты, остановившейся на томъ самомъ мѣстѣ, отъкуда за двадцать два часа передъ тѣмъ отправился Король. Отперлись дверцы, вы-

скочилъ человѣкъ въ сѣромъ плащѣ и въ сплющенной шляпѣ. Среди освѣщенія, сливавшагося съ ночною темнотою, предсталъ онъ волшебнымъ призракомъ. Множество чиновниковъ ожидали его на крыльцѣ и встрѣтили съ изступленнымъ восторгомъ. Тѣснимый толпою и сверьхъ того обезпокоеваемый лапами, скрытыми подъ одеждою, Бонапартъ отвѣчалъ одними сими словами: *Вы задушите меня!* Мгновенно Генералы и Офицеры, бывшіе съ обнаженными шпагами, подхватили его, понесли торжественно и своды дворца огласились восклицаніями: *да здравствуетъ Императоръ!* Всѣ взоры устремлялись на Бонапарта и на *Гортензію де Сень Лю*; она бросилась въ объятія Эльбскаго бѣглеца.

Но тщетно ликовалъ Наполеонъ; тщетно хвалился онъ при самомъ выступленіи на берегъ Франціи, что будто бы *Конгрессъ разрушился.* Сей Конгрессъ уже 1 Марта 1815 года объявилъ въ Вѣнѣ, что всѣ союзные Государи употребятъ совокупныя силы къ возстановленію во Франціи законнаго правительства. Въ слѣдъ за симъ объявленіемъ союзныя войска двинулись къ предѣламъ Франціи.

Бонапартъ сталъ Императоромъ одного мятежнаго войска, а не Франціи. *Фуше*, Министръ полиціи, и другіе расхватали, такъ сказать, и мѣста и владычество. Маршалъ *Ней* желалъ республики, за что поссорился съ Наполеономъ и уѣхалъ въ свои помѣстья, гдѣ пробылъ до

начала военныхъ дѣйствій. *Фуше*, не отклоняясь отъ цареубійцъ, покровительствовалъ и *роялистамъ*, предвидя ненадежное мужество *Эльбскаго бѣглеца*. Тщетно ожидалъ онъ, что Италіянскія войска подкрѣпятъ его и разстроятъ дѣйствія Союзниковъ. Марта 18 *Мюратъ* напалъ на Австрійцевъ, а Мая 11 лишился престола. Королевство *Неаполитанское* поступило въ управленіе законнаго своего Короля *Фердинанда IV*; супруга Мюратова, сестра Бонапарта, отвезена была плѣнною въ Австрійскія владѣнія. Мюратъ моремъ бѣжалъ во Францію.

Мая 14 ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ отправился изъ Вѣны къ войскамъ на *Рейнъ*.

Наступилъ день 20 Мая 1815 года, въ который Наполеонъ учредилъ *поле или сходбище Майское* для новаго избранія его въ *Императоры*. На семъ сходбищѣ присутствовали наглость и обманъ. *Дюбуа*, отличавшійся крѣпкою грудью и звучнымъ голосомъ, сими словами привѣтствовалъ Бонапарта: „Мы не хотимъ имѣть Государемъ того, кого домогаются намъ дать наши непріятели. Ненависть нашихъ враговъ усугубляетъ къ вамъ нашу любовь: цѣлый народъ ополчается.“ Раздались восклицанія: *да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ Императоръ!* Наполеонъ между прочимъ говорилъ: *Какъ Императоръ, солдатъ и Консулъ, я всѣмъ обязанъ народу*. Объясняясь такимъ образомъ, онъ не снималъ шляпы, не только передъ

тѣми, кого называлъ *представителями народа*, но даже и передъ Епископомъ, принимавшимъ отъ него присягу. Казалось, что онъ неистовствовалъ и передъ Небомъ и передъ землею (1).

Нетерпѣливое ожиданіе *Майскаго поля* никого не удовлетворило. Возвращаясь оттуда, зрители говорили: „такъ это-то Майское поле! стоило ли для этаго столько производить шума?“

Мая 30 Вѣнскій Конгрессъ кончилъ свои засѣданія.

Въ началѣ Іюня Рускія войска переправились чрезъ Рейнъ при *Мангеймѣ* и вступили черезъ *Мецъ* во Францію.

Іюня 3 Бонапартъ внезапно двинулся противъ союзныхъ войскъ, расположенныхъ отъ *Намура* до *Брюсселя*.

Іюня 4 со 130,000 напалъ онъ на 80 тысячъ Прусаковъ. Полагаютъ, что ни *Блюхеръ*, ни *Веллингтонъ* не ожидали сего нападенія, и что будто бы послѣдній, обманутый мнимымъ спокойствіемъ, разсѣялъ войска свои позади и впереди *Брюсселя*. Трудно повѣрить, чтобы Полководцы тѣхъ двухъ войскъ, которыя называли *передовою стражею Европейскихъ ополченій*, ничего не предвидѣли и ничего заранѣе не сообразили. Грозно и яростно было нападеніе Французовъ. Каждый шагъ ознаменовывался разрушеніемъ. Веллингтонъ, узнавъ

(1) См. Исторію походовъ 1814 и 1815 г. Част. IV, стр. 210.

въ *Брюсселѣ* о нападеніи Французовъ на Прусаковъ, сказалъ: „Когда другіе Полководцы учиняютъ ошибку, то войска ихъ гибнутъ: они увѣрены, что будутъ разбиты; но когда я въ опасности, то спасеніе мое среди войска.“ Немедленно совокупилъ онъ войско и поспѣшилъ на помощь Прусаковъ. Упорное и убійственное произошло сраженіе 6 Іюня. Сильно разили Французы и сильно были поражаемы. Адъютантъ Герцога Веллингтона извѣстилъ его, что въ *пятой* Англинской *дивизіи*, состоявшей изъ 4000 человѣкъ, осталось только *четыреста* и что они не въ силахъ долѣе держаться. „Не могу имъ помочь,“ отвѣчалъ *Веллингтонъ*: „они должны по примѣру моему удерживать мѣсто свое до послѣдняго человѣка. Дай Богъ, чтобы скорѣе подоспѣли Блюхеръ или ночь!“

Веллингтонъ ни на одно мгновеніе не уклонялся отъ опасности; Бонапартъ вездѣ притворствовалъ, будто бы хочетъ быть впереди. Братъ его *Жеромъ* при семъ случаѣ сказалъ одному изъ Генераловъ: „Возможно ли! онъ и здѣсь убѣгаетъ отъ смерти. Ни гдѣ не было бы для него лучшей могилы.“

Прусаки приближались. Бонапартъ разшерялся во всѣхъ разпоряженіяхъ своихъ; Генералы его кричали: „Чего онъ хочетъ? Онъ обезумѣлъ.“

При появленіи знаменъ Прускихъ Наполеону казалось, что тѣнь Королевы Пруской предстала очамъ его.

Двинулись грозные Англинскіе полки, дотолѣ непоколебимо отражавшіе напоръ непріятеля. Ничто не могло остановить стремленія ихъ. Наполеонъ воскликнулъ: *все погибло!* и ускакалъ съ однимъ *Бертраномъ*.

Веллингтонъ и Блюхеръ безъ всякаго предварительнаго сношенія встрѣтились у мызы *Бель-Альянсъ* или *Изящнаго союза*. Съ восхищеніемъ обняли они другъ друга. „Мои воины," сказалъ Веллингтонъ: »съ десяти часовъ утра выдерживали сильный бой; желаю ихъ пощадить: они дѣти мои; они оказали чудеса." Блюхеръ отвѣчалъ, что онъ будетъ съ Прусаками преслѣдовать Французовъ и приказалъ дѣйствовать пѣхотѣ и конницѣ. „*Дѣти мои!*" воскликнулъ онъ: »сегоднишнюю ночь должно намъ гнать враговъ, чтобы завтра не могли они намъ вредить." Такимъ образомъ упомленные Англичане замѣнены были свѣжими силами Прусаковъ.

Преслѣдуемые Прусаками и ужасомъ, Французы бѣжали въ разстройствѣ: толпы увлекли Наполеона къ *Женнапѣ*. Тутъ узнали солдаты, что онъ живъ. *Вотъ Императоръ! вотъ Императоръ!* говорили они: *онъ не убитъ! онъ не умеръ! Ему бы надлежало умереть!* Бонапартъ быстро ускользнулъ отъ любопытныхъ зрителей. Генералы его явно кричали: *Онъ безумецъ: онъ никогда не насытится кровью. Онъ пережилъ себя; онъ недостоинъ нами повелѣвать.*

XVII

Ужасно и кровопролитно было *Ватерлоское сраженіе*, но оно рѣшило жребій войны. „Сердце мое,“ писалъ *Веллингтонъ*: „поражено потерею старинныхъ моихъ друзей и бѣдныхъ солдатъ. Сколь ни славенъ сей день, но я тогда только буду имъ доволенъ, когда уничтожу Бонапарта.“

Изъ двадцати четырехъ Англинскихъ Генераловъ, одиннадцать были убиты и ранены; изъ значительнѣйшихъ же Французскихъ Генераловъ ни одинъ не былъ ни убитъ, ни раненъ. При началѣ сраженія у Наполеона находилось *семдесятъ*, у Англичанъ *шестьдесятъ* тысячь. Къ пяти уже часамъ вечера подоспѣли Прусаки. Въ сей достопамятный день Веллингтонъ наблюдалъ одно правило: *чтобы держаться непоколебимо.*

Наполеонъ и послѣ сего сраженія измѣнилъ жертвамъ своего ненасытнаго властолюбія. Обезопасивая личность свою и отдавъ въ челюсти смерти цвѣтъ воиновъ своихъ, равно какъ и послѣ *Лейпцигской* битвы, онъ остался одинъ и однимъ сраженіемъ упрашилъ престолъ.

Прибывъ въ Парижъ, Наполеонъ остановился въ *Елисейскомъ дворцѣ*. Въ кабинетѣ его *Ренгольтъ* поправлялъ *Бюллетень*; *Бассано* стоялъ въ окаменѣніи. Наполеонъ, кусая губы, закричалъ съ нетерпѣніемъ: *гдѣ Бюллетень? Вотъ онъ исправленный*, отвѣчалъ Ренгольтъ. Выслушавъ до половины, Бонапартъ топнулъ ногою и сказалъ: *сраженіе было выиграно.* По окон-

чаніи же Бюллетеня, онъ вздохнулъ и прибавилъ: *оно проиграно, а съ нимъ изчезла и слава моя.*

Наполеонъ снова палъ; *Фуше*, Министръ полиціи, повелѣвалъ самовластно.

Общимъ воспламенились негодованіемъ и революціонисты и Бонапартисты. „Вотъ," восклицали они: „вотъ чѣмъ кончились всѣ блистательныя приготовленія! вотъ какъ мнимый Герой держитъ слово свое! Онъ увѣряетъ, будто бы войско его поражено было внезапнымъ ужасомъ. Онъ клевещетъ на жертвы властолюбія своего; причиною всему личная его трусость и безсмысліе. Храбро умирало войско его въ нападеніяхъ, безразсудно имъ предпринимаемыхъ. Большая часть Англинскихъ Генераловъ, оспоривая побѣду, были убиты и ранены; смерть угрожала Веллингтону; а Наполеонъ бѣжалъ отъ страха въ столицу, чтобы всѣ видѣли его позоръ (1)." Ссылка Наполеона Бонапарта на островъ *Елену*. — Въѣздъ въ Парижъ Короля Людовика. — Того же числа, то есть Іюня 28, прибытіе въ столицу Франціи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Ихъ Императорскихъ Высочествъ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА. — Заключеніе. — Достопамятный Манифестъ, воспослѣдовавшій 1816 года Января 1.

(1) Смотр. Исторію походовъ 1814 и 15 г. Часть IV, стр. 361.

РУСКАЯ
ИСТОРІЯ,

ОТЪ ВЗЯТІЯ ПАРИЖА ДО ВТОРИЧНАГО ВХОДА СОЮЗНЫХЪ ВОЙСКЪ ВЪ СІЮ СТОЛИЦУ ФРАНЦІИ,

ТО ЕСТЬ ОТЪ 19 МАРТА 1814 ДО ПОЛОВИНЫ 1815 ГОДА.

ОТЪ ВЗЯТІЯ ПАРИЖА ДО ВТОРИЧНАГО ВХОДА СОЮЗНЫХЪ ВОЙСКЪ ВЪ СЮ СТОЛИЦУ ФРАНЦІИ,

то есть отъ 19 Марта 1814 до половины 1815 года.

Съ береговъ Невы, куда, какъ мы уже видѣли, отправлено было ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ къ Августѣйшей ЕГО Родительницѣ краткое извѣстіе о взятіи Парижа, перенесемся снова на берега Сены, не полетомъ воображенія, но переходомъ историческимъ, и предложимъ различныя подробности отъ перваго дня вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ до вторичнаго ихъ туда прихода въ половинѣ 1815 года.

Тщетно за пятьдесятъ лѣтъ до сего достопамятнаго событія *Монтескю*, знаменитый сочинитель книги *О духѣ законовъ*, увѣрялъ, будто бы, по удивительному стеченію обстоятельствъ, Парижъ выгоднѣйшимъ образомъ основанъ и для особенной своей безопасности и для обезпеченія Франціи.

Повторимъ и здѣсь, что при свирѣпствующей бурѣ страстей, возбужденной развратомъ, нѣтъ безопасности ни для обществъ, ни для народовъ.

Доколѣ Франція не выходила изъ предѣловъ законнаго повиновенія, дотолѣ существовала и безопасность Парижа. „При законныхъ Государяхъ Франціи“ говоритъ *Шатобріанъ*: „столица Франціи никогда не была во власти чужеземныхъ войскъ.“ Мечь завоевателя, врученный ему главными вождями мятежа Французскаго, сей мечь губительный ввелъ войска отдаленныхъ народовъ въ стѣны того города, который долго почитался свѣтиломъ Царствъ и народовъ.“

Парижъ не изчезъ въ развалинахъ; Союзники несли ему спасеніе, а не погибель.

„При сихъ размышленіяхъ“ говоритъ сочинитель Исторіи походовъ 1814 и 1815 годовъ: „умъ человѣческій смиряется и принужденъ признать вышнее содѣйствіе. Парижъ, окруженный опасностями, спасся однимъ только необычайнымъ чудомъ (1).“

(1) Часть II, Кн. XVI, стр. 236.

И мы признаемся, что чудо сіе принадлежитъ Провидѣнію: къ Нему все относилъ Самодержецъ Россіи.

Въ Сентябрѣ 1812 года, когда обширная Москва, разстававшись на время съ Россіей, предстала во всей обширности своей полкамъ Французскимъ, вступившимъ на возвышеніе *Поклонной* горы; сіи полки, обольщенные завоевателемъ, восклицали: „Здѣсь, здѣсь предѣлъ трудамъ и подвигамъ нашимъ; здѣсь увѣнчается цѣль, стремящаяся ко всемірному обладанію на твердой землѣ (1)."

Такъ говорили жертвы завоевателя въ день втораго Сентября 1812 года, и въ исходѣ того же года слабые и горестные остатки блестящей арміи, бѣжавшіе обратно въ предѣлы Франціи, возвѣстили ей погибель братій своихъ и уничтоженіе мечты всемірнаго обладанія.

Наполеонъ влекъ войска свои въ нѣдра Россіи, никому не угрожавшей, и къ стѣнамъ Москвы гостепріимной. Москва должна была разрушиться, ибо своеволіе и буйство вступили въ нее подъ знаменами Наполеона.

(1) См. Записки. . . .

Къ какому же Парижу шли союзныя войска и что принесли они съ собою? Сочинитель Исторіи походовъ 1814 и 15 годовъ отвѣчаетъ: „Союзники привели войска свои къ средоточію и вмѣстилищу всѣхъ мятежей, наводнявшихъ кровію Европу; они привели ихъ къ Парижу, гдѣ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ свирѣпствовали попеременно и безначаліе и мучительство и всѣ порывы разрушительной войны. Вооруженная Европа проложила себѣ путь къ стѣнамъ его, и оставя мщеніе, принесла свободу и спасеніе угнѣтеннымъ жителямъ (1)."

Изчезло владычество Наполеона на берегахъ Вислы, Одера, Эльбы и Рейна; изчезло и на берегахъ Сены — въ стѣнахъ Парижа.

Въ то же время на площади Людовика XV громогласно читали воззваніе Австрійскаго Фельдмаршала Князя Шварценберга къ жителямъ Парижскимъ. „Союзныя войска" гласило воззваніе: „уже подъ Парижемъ; цѣль ихъ похода — искренній и нерушимый миръ. Двадцать уже лѣтъ Европа

(1) Часть II, Кн. XVII, стр. 246.

орошается кровію и слезами. Содѣйствуйте общему желанію: ускорите миръ и спокойствіе вселенной.“

Прочитавъ сіе воззваніе, Маркизъ де *Вовино* первый увѣнчалъ шляпу свою бѣлымъ бантомъ и первый воскликнулъ: *да здравствуетъ Король!* Вскорѣ по различнымъ улицамъ раздался сей кликъ: *да здравствуетъ Король!* Сей кликъ повторялся Роялистами, которые, прицѣпивъ къ тросточкамъ бѣлые платки, скакали верьхомъ изъ улицы въ улицу.

Отъ сего клика изчезла Имперія Наполеона и воскресла Королевская Франція.

Съ жаромъ и силою читалъ народу *Евгеній Карбоніеръ* воззваніе Союзниковъ и убѣждалъ его покориться симъ спасительнымъ увѣщаніямъ. *Да низвергнется тиранъ! да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуютъ законные наши Государи!* При сихъ восклицаніяхъ *Карбоніеръ* быстро срываетъ со шляпы юнаго своего сына *трехцвѣтный* бантъ и прикалываетъ бѣлый. „Сынъ мой! и такъ я имѣю щастіе украсить тебя симъ знаменіемъ любви твоего отца и всѣхъ добрыхъ Французовъ къ Августѣйшему Дому, возстановляемому Провидѣ-

ніемъ на престолъ. Я всегда былъ ему вѣренъ. Клянись подражать моему примѣру; *клянись, естьли нужда того потребуетъ*, не щадить жизни за Короля!“

Летятъ со шляпъ *трехцвѣтные банты*, являются бѣлые. Снова гремятъ восклицанія: *да здравствуютъ Бурбоны! да низвергнется тиранъ!*

Уже множество Королевскихъ друзей стеклось на площади Людовика XV. Страшное, скорбное напоминаніе поразило ихъ души: здѣсь подъ смертоноснымъ орудіемъ пала глава Людовика праведнаго! здѣсь пролилась его кровь! При семъ напоминаніи площадь огласилась воплями и рыданіями.

Знатнѣйшія Парижскія женщины: Виконтесса *Шатобріанъ*, Графиня *Шуазель*, Принцесса *Леонъ* и другія, раздавали на улицахъ молодымъ людямъ бѣлые банты, *служившіе примиреніемъ* съ прежнимъ Правительствомъ. „Могли ли,“ говоритъ *Альфонсъ Бошанъ*: „могли ли истинныя Француженки не гнушаться владычествомъ, изгонявшимъ изъ роднаго ихъ края *состра-*

даніе, любовь, просвѣщеніе и вѣжливость (1)*?*“

Тщетно приверженцы завоевателя домогались заглушать воплями своими восклицанія въ честь Бурбоновъ; тщетно возглашали они: „мы должны прославлять одного Наполеона:“ прежнія восклицанія часъ отъ часу болѣе усиливались. Уже почти общій голосъ изгналъ Наполеона изъ стѣнъ Парижа и призывалъ Бурбоновъ. По волѣ Провидѣнія изчезъ Парижъ Наполеоновскій, воскресла столица Королевская и отверзла Союзникамъ и врата торжественныя и сердца признательныя.

Казалось, весь Парижъ двинулся на *булевары*, гдѣ надлежало проходить союзнымъ войскамъ; балконы, окна, террасы наполнены были зрителями: всѣ жители Парижскіе неперпѣливо ожидали вступленія иностраннаго войска, возвращавшаго Французамъ миръ и спокойствіе. Зрѣлище необычайное, зрѣлище, никогда не

(1) См. Истор. походовъ 1814 и 15 годовъ, Час. II, стр. 276.

существовавшее въ лѣтописяхъ всемірныхъ (1)!

Уже конница, предводимая Его Императорскимъ Высочествомъ КОНСТАНТИНОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ, и гвардія союзныхъ Державъ устроились въ колонны на зарѣ утренней по *Бондиской* дорогѣ къ Парижу. Россійскій ИМПЕРАТОРЪ отправился въ *Пантень* съ своимъ Штабомъ, куда и Король Прускій прибылъ съ своею свитою.

Тутъ Меры города Парижа встрѣтили ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА и Короля Прускаго. Россійскій ИМПЕРАТОРЪ обратилъ къ нимъ Рѣчь, навсегда достопамятную; ибо каждое слово изъ оной оправдалось событіями (2):

„Жребій войны привелъ Меня сюда," вѣщалъ АЛЕКСАНДРЪ Первый. „Вашъ Императоръ, бывъ Моимъ союзникомъ, три раза учинился противъ Меня вѣроломнымъ; онъ даже въ сердце моего Государства внесъ бѣдствія, которыхъ слѣды долго не изгладятся (3). Справедливая защита заставила Ме-

(1) См. Истор. походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 180.
(2) См. въ вышеупомянутой книгѣ тамъ же стр.
(3) См. Исторію походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 280.

ня предпринять сюда походъ. Ни Франціи, ни Французамъ не воздамъ зломъ за зло; одинъ Наполеонъ мой врагъ. Обѣщаю особенное мое покровительство городу Парижу. Я сохраню всѣ его общественныя заведенія; въ стѣнахъ будетъ только нѣкоторая часть войскъ. Я сохраню вашу народную гвардію, составленную изъ избранныхъ гражданъ; вы сами должны утвердить будущее ваше счастіе.

„Вамъ нужно правленіе, которое бы и вамъ и Европѣ доставило спокойствіе. Вы сами должны предъявить ваше желаніе; а Я готовъ подкрѣплять ваши усилія.“

Оба Монарха, въ сопровожденіи Имперскихъ Князей и Полководцевъ своихъ, направили путьчрезъ заставы Парижскія къ предмѣстію *Сенъ Мартенъ;* козаки и гвардія находились впереди шествія. Графъ *Состенъ де ла Рушефоко* прибылъ къ союзнымъ Государямъ съ бѣлымъ бантомъ, предлагая себя въ проводники Россійскому Государю. Около полудня всѣ войска, предшествовавшія Императорской и Королевской свитѣ, вступили при звукѣ трубъ и военной

музыки. Конница и пѣхота отличались превосходнымъ видомъ.

По прибытіи ихъ въ предмѣстіе, отъ чрезмѣрнаго стеченія народа и радостныхъ порывовъ воинское шествіе надолго замедлялось; даже до прибытія еще Государей къ воротамъ *Сенъ-Мартеня* для слѣдованія на *булевары*, долго не льзя было двинуться: казалось, что въ семъ мѣстѣ соединился весь Парижъ. Наконецъ въ часъ войско союзное, войско Европейское, войско дружественное Франціи явилось на *булеварахъ Пуассоньерскихъ*. Видя возносящійся лѣсъ копій, видя сіи густые баталіоны, сіи блестящіе эскадроны, сей цвѣтъ воиновъ Европейскихъ, кто бы помыслилъ, что сіи самыя войска противуборствовали и грознымъ непогодамъ и боямъ смертоноснымъ? О сихъ ли остаткахъ союзной арміи разглашали Наполеоновы бюллетени?

Съ удивленіемъ смотрѣли Парижскіе жители на зрѣлище, дошолъ еще небывалое въ мірѣ: они видѣли блестящую армію среди шести сотъ тысячъ гражданъ, ни чѣмъ необезпокоенныхъ; они видѣли цѣлый народъ, прохаживающійся среди десяти различныхъ народовъ, какъ будто бы ме-

жду братій своихъ; наконецъ, они видѣли войско непріятельское, приняпое какъ войско народное, возвратившееся въ нѣдра своего семейства.

Непрестанно гремѣли восклицанія: *Да здравствуетъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ! да здравствуетъ Фридрихъ Вильгельмъ!* Народъ и первостепенные Парижскіе жители ненасыщенными очами взирали на *ИМПЕРАТОРА Россійскаго*, хвашались за руки, за колѣна, за одежду Его и возглашали: *да здравствуютъ наши избавители* (1)!

Въ то же время раздавались клики: *Да здравствуетъ Король! да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Да низвергнется тиранъ! Да здравствуютъ Бурбоны!*

Съ восклицаніями жителей Парижскихъ, разсѣянныхъ по улицамъ, сливались восклицанія, излетавшія изъ оконъ домовъ, простиравшихся до полей Елисейскихъ. На балконахъ великолѣпныхъ сданій являлись знашнѣйшіе Парижане; они рукоплескали и размахивали бѣлыми плат ками.

---

(1) Смотр. Ист. походовъ 1814 и 1815 годовъ, Часть II, стр. 284.

Отъ столпленія народа войско не рѣдко пріостанавливалось. Парижскіе жители сжимали руки воиновъ и предлагали имъ пищу и вино; но ни одинъ солдатъ ничего не бралъ безденежно (1).

Во время сего величественнаго шествія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, Союзные Государи отвѣтствовали на привѣтствія безчисленнаго народа безпредѣльною благосклонностью и утѣшительнѣйшими словами, возвѣщавшими благоденствіе Франціи и Европы. Удивленный народъ по истеченіи двадцати грозныхъ лѣтъ узрѣлъ наконецъ Государей благодѣтелей и отцевъ людей, къ которымъ можно свободно подходить, и на которыхъ можно было смотрѣть радостными очами. „Мы не завоеватели“ повторяли непрестанно союзные Монархи: „Мы ваши союзники.“ Молодой Французъ *Карлъ де Розаръ* осмѣлился сказать *Россійскому ИМПЕРАТОРУ*: „Удивляюсь Вамъ, ГОСУДАРЬ! Вы съ ласкою дозволяете приближаться къ Вамъ каждому гражданину.“ АЛЕКСАНДРЪ

(1) Смот. вышеупомянутую книгу, Часть II, стр. 285.

Первый отвѣчалъ: „Это обязанность Государей (1).“

Роялисты, тѣснившіеся около *Россійскаго ИМПЕРАТОРА*, громогласно изпрашивали дать имъ законнаго ихъ Короля. *Виконтъ де Понсъ* и *Виконтъ де Мартильякъ* воскликнули: „Позвольте намъ, ГОСУДАРЬ! водрузить бѣлое знамя на стѣнахъ дворца Тюльерійскаго.“ Россійскій ИМПЕРАТОРЪ, переговоря съ Королемъ Прускимъ, отвѣчалъ: „Исполняйте свое желаніе.“

Союзныя войска, пройдя внутренніе сѣверные булевары, повернули черезъ Королевскую улицу и площадь Людовика XV къ *полямъ Елисейскимъ*. Между тѣмъ другія отдѣленія войскъ тянулись вдоль стѣнъ Парижскихъ для заняттія стана.

Союзные Государи остановились на *поляхъ Елисейскихъ*, гдѣ мимо ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ проходили ряды блестящихъ войскъ Ихъ. Изъ сердецъ Парижскихъ жителей, окованныхъ сперва страхомъ, излетали искреннія восклицанія: *Да здравствуетъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ! да здравствуетъ Король*

(1) Смот. въ вышеупомянутой книгѣ Часть II, стр. 216.

Пруссій! да здравствуетъ Король! да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуетъ Людовикъ XVIII!

И такъ въ присутствіи почти всѣхъ Европейскихъ войскъ и подъ сводомъ небеснымъ жители Парижскіе вызывали изгнанныхъ своихъ Государей, лишившихся всего въ мірѣ, *кромѣ чести* (1). Одна женщина, стремительно повергшись на колѣна передъ *ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ*, со слезами воскликнула: „*ГОСУДАРЬ!* возвратите намъ Короля нашего!“ — „Вы желаете того?“ отвѣчалъ АЛЕКСАНДРЪ Первый: „народъ Французскій того желаетъ: Король будетъ вамъ возвращенъ (2).“

Въ сей день въ три часа по полудни Графъ *Несс льроде* приготовлялъ съ Княземъ *Тал. ейраномъ* то достопамятное объявленіе, въ силу котораго Европа отказывалась договариваться съ общимъ своимъ врагомъ. Быстро разнеслась молва о благодѣяніяхъ союзныхъ Государей. Съ ра-

---

(1) Слова изъ объявленія Людовика XVIII, когда Бонапартъ похитилъ его престолъ.

(2) См. Истор. походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 288.

достью узнали Французы, что они не подвергнутся никакимъ воинскимъ поборамъ и что всѣ памятники ихъ искуствъ будутъ сохранены.

Не зрѣла Исторія подобнаго примѣра, не зрѣли никогда народы отдаленныхъ вѣковъ, никто не зрѣлъ того, что видѣлъ Парижъ. Въ сей столицѣ Франціи АЛЕКСАНДРЪ Первый принятъ былъ какъ отецъ Французскаго народа (1).

Между тѣмъ Парижскіе жители, претерпѣвшіе сперва отъ одного воззрѣнія грознаго завоевателя, опутали уже веревкою шею Наполеоновой статуи, возносившейся на столпѣ побѣды, и готовясь стащить ее, кричали: „*Да низвергнется тиранъ!*“

Присланные отъ Россійскаго ГОСУДАРЯ убѣждали народъ оставить сіе предпріятіе, говоря, что на семъ столпѣ воздвигнется памятникъ миру.

Въ сей незабвенный день торжественно ознаменовалось опредѣленіе небеснаго Провидѣнія: Оно охраняло Бурбоновъ, какъ будто бы изчезнувшихъ въ предѣлахъ вселенной;

---

(1) См. Истор. походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 290.

Оно снова устремило къ нимъ души и сердца Французовъ. *Лапелетье де Морфонтень* первый на поляхъ Елисейскихъ воззвалъ къ друзьямъ древняго престола Франціи. Немедленно многіе изъ знаменитѣйшихъ дворянъ Французскихъ полетѣли въ домъ сего ревнителя власти Королевской. Въ сильной Рѣчи, дышавшей величественнымъ древнимъ Французскимъ витійствомъ, *Ферандъ* предложилъ поднесть АЛЕКСАНДРУ Первому прошеніе о невозвратномъ низверженіи ига Наполеонова, и о возстановленіи Бурбоновъ. Единодушно было утверждено слѣдующее прошеніе на имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго и Его Величества Короля Прускаго:

„Государи!

„Парижъ занятъ побѣдоносными войсками вашими.

„Примите лестнѣйшую жертву для великодушныхъ побѣдителей, награду сладчайшую и драгоцѣннѣйшую, даруемую побѣдой .... примите благословеніе побѣжденныхъ.

„Побѣжденныхъ! ... Ахъ! сіе наименованіе, неизъемлющее однако совершен-

наго напоминанія о славѣ, не можетъ намъ принадлежать.

„Сердца наши Васъ призывали; они вспомоществовали священному Вашему походу противъ сего *изверга, чуждаго нашему отечеству*, вознесеннаго счастіемъ на первую степень Государства, развращеннаго крамолою; противъ изверга, изкажавшаго силу народа великодушнаго, употребивъ во зло сію самую силу, для объявленія войны вселенной и всему роду человѣческому; противъ сего изверга, рожденнаго губить людей и опустошать Царства! Отъ береговъ Балтійскаго моря до вершинъ горъ Пиренейскихъ, отнимая сыновъ у отцовъ, онъ обрекалъ ихъ въ *жертву своего алчнаго мучительства и заставлялъ отцовъ не желать побѣдъ сынамъ своимъ.*

„Провидѣніе исполнило сіи обѣты: они осуществились подвигами храбрыхъ вашихъ войскъ. . . Вы торжествуете, Государи! Но мы не побѣждены: мы избавлены, и торжество Ваше будетъ предметомъ вѣчной нашей благодарности.

„Избавители злополучнаго нашего отечества! довершите дѣло свое: увѣнчайте благодѣянія свои.

„Франція не отдохнетъ, не возвратится на чреду Державъ Европейскихъ, и, говоримъ откровенно, она не можетъ внушить никакой довѣренности къ договорамъ, доколѣ не перейдетъ подъ отеческій покровъ законной власти.

„По крайней мѣрѣ, среди долговременныхъ и преступныхъ нашихъ заблужденій, намъ отдадутъ справедливость, что ни одинъ природный Французъ не дерзнулъ возсѣсть на престолъ Людовика XVI.

„Братъ сего злополучнаго, сего праведнаго МОНАРХА, законный его наслѣдникъ, потомокъ добраго Генриха, Король Французовъ еще не съ нами.

„Государи! позвольте, чтобъ подъ покровомъ Вашимъ вѣрные послы Французовъ устремились повергнуться къ стопамъ его, принесть ему жертву раскаянія, и умолить его: да возвратитъ онъ Франціи присутствіе ея Короля, и постановитъ съ Вашими Величествами въ столицѣ своей, навѣки очищенной, непоколебимыя основанія спокойствія Европы.“

По многосложнымъ и затруднительнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ, не льзя было вдругъ удовлетворить желаніямъ *Роялистовъ*. Прошеніе ихъ поднесено *ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ* Гг. *Ферраномъ*, *Рушефоко*, *Лаферте* и *Шатобріаномъ*.

Дневной подвигъ, нераздѣльный съ неутомимою дѣятельностію, призывалъ къ отдохновенію; но *АЛЕКСАНДРЪ* Первый, бодрствуя для спасенія Франціи и Европы, въ полночь объявилъ вручителямъ прошенія черезъ Графа *Нессельроде*, „что Онъ ни съ Наполеономъ и ни съ кѣмъ изъ членовъ его семейства не вступитъ ни въ какіе переговоры.“

Получа подробное извѣстіе о всѣхъ произшествіяхъ Парижскихъ, Наполеонъ сказалъ: „Я желалъ бы, чтобъ мнѣ лучше пронзили сердце кинжаломъ.“ Но и въ сіе мгновеніе онъ не о томъ жалѣлъ, что губилъ человѣчество; но о томъ, что не сжегъ *Вѣны* и *Берлина* (1).

На другой день Префекты полиціи и Сейнскаго Департамента въ воззваніи

(1) См. Истор. походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 302.

своемъ къ Парижскимъ жителямъ говорили: „что послѣ *Монмартрскаго* сраженія тщетно уже прибѣгать къ оружію; что въ слѣдствіе условія Союзники заняли Парижъ; что Россійскій ИМПЕРАТОРЪ обезпечиваетъ личность и имущество всѣхъ и каждаго, и что Онъ изъявляетъ благоволеніе свое жителямъ Парижа.“

И такъ одинъ АЛЕКСАНДРЪ Первый въ полной мѣрѣ обезпечивалъ тогда въ предѣлахъ Франціи и личность и собственность и все то, что утверждаетъ благо общественное (1).

Покровительствуя друзьямъ и приверженцамъ Королевскимъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ обнадеживалъ и военнослужившихъ Французовъ, находившихся въ Парижѣ за ранами, что они безъ всякаго опасенія могутъ жить и выѣзжать.

По вступленіи въ Парижъ Генералъ Сакенъ назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ столицы Франціи. Великодушный ГОСУДАРЬ, награждая подвиги, увѣнчавшіе Рускаго Героя славою въ предѣлахъ Франціи, предоставилъ ему сіе мѣсто. По-

---

(1) Смол. Записки А. И. Данилевскаго.

ходъ 1814 года увѣковѣчилъ имя Сакена въ лѣтописяхъ военныхъ. Онъ находился въ *Силезской* арміи, которая непрестанно должна была озабочивать, утомлять Наполеона, сражаться съ нимъ и обезпечивать величественныя и рѣшительныя движенія главной союзной арміи. По свидѣтельству Французскихъ Историковъ, Наполеонъ истощилъ всѣ хитрости военнаго искуства въ семъ послѣднемъ походѣ. Дѣйствуя *набѣгами*, онъ пролагалъ себѣ новые и трудные пути, внезапно появлялся, отважно и яростно нападалъ. Въ сей новой войнѣ, производимой внутри Франціи, надлежало угадывать и предупреждать каждый шагъ неутомимаго сопротивника. Сражаясь, такъ сказать, лицемъ къ лицу съ Наполеономъ, Сакенъ увѣнчался сею славою. Карта Франціи и мечъ не выходили изъ рукъ его. Въ сихъ важныхъ обстоятельствахъ явилъ онъ въ полномъ блескѣ рѣдкую опытность, пріобрѣтенную имъ въ военномъ искуствѣ. И въ счастливые дни своей жизни и въ то время, когда счастіе, казалось, отъ него отклонялось, вся жизнь Графа Сакена посвящена была изслѣдованію военнаго искуства, не-

исполнимаго въ безчисленныхъ своихъ подробностяхъ. Сими глубокими познаніями въ военномъ дѣлѣ отражалъ онъ замыслы враговъ и отдалилъ всѣ предубѣжденія, нѣкогда его постигшія. Военные люди, не умаляя славы знаменитаго Блюхера, замѣчаютъ, что естьли *Силезская* армія не претерпѣла рѣшительнаго пораженія при *Шамбоперѣ* и *Монмиралѣ*, то тѣмъ обязана она твердости духа, искусной дѣятельности и неусыпной осторожности Рускаго Полководца *Сакена* (1). На новомъ поприщѣ своемъ, на чредѣ Генералъ-Губернатора столицы Франціи, явилъ онъ новое искусство соглашать, успокоивать умы и ласковымъ обращеніемъ привлекать сердца. При первомъ шагѣ своемъ на семъ важномъ поприщѣ, онъ приказалъ ни кого не тревожить за политическія мнѣнія и за ношеніе военныхъ знаковъ, напоминавшихъ о изчезавшемъ владычествѣ Наполеона. Парижскіе жители, восхищенные поступками Генералъ-Губернатора, вездѣ привѣтствовали его радост-

(1) Смотр. Записки А. И. Данилевскаго и *Паденіе Наполеоновой Державы*, Часть II, стр. 190.

ными восклицаніями: *да здравствуетъ Генералъ Сакенъ!*“

На другой день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ, Совѣтъ Городской Парижской Думы издалъ къ жителямъ Парижа воззваніе о низверженіи Наполеона.

„Жители Парижа!“ говорилъ Совѣтъ: „ваши чиновники былибъ измѣнниками и передъ вами и передъ отечествомъ, еслибъ по унизительнымъ личнымъ отношеніямъ долѣе оковывали голосъ совѣсти своей.

„Сей голосъ вопіетъ, что виновникъ всѣхъ бѣдствій вашихъ одинъ человѣкъ, васъ угнѣтающій. Онъ ежегодной *конскрипціей* уничтожалъ бытіе вашихъ семействъ, онъ обременилъ васъ *тысячью семью сталии милліонами* податей, и угрожалъ еще новыми поборами; а при добрыхъ вашихъ Корояхъ вы платили только *четыреста* милліоновъ, и вы были свободны и счастливы. Мучитель вашъ заградилъ вамъ моря обоихъ полушарій, уничтожилъ источники промышленности народной, оттторгъ земледѣльцевъ отъ полей, рабочихъ людей отъ мануфактуръ.

„Онъ навлекъ на насъ ненависть всѣхъ народовъ.

„Каждый изъ насъ во глубинѣ сердца гнушается имъ какъ врагомъ общественнымъ, каждый изъ насъ желалъ бы узрѣть предѣлъ неисчисленнымъ безполезнымъ люпостямъ.

„Не ознаменовавъ желаній нашихъ и вашихъ сердецъ, мы были бы *отчужденниками* отъ подвига блага общаго.

„*Вооруженная Европа* вмѣстѣ съ нами проситъ о низверженіи его; она умоляетъ о томъ для спасенія человѣчества и для водворенія всеобщаго мира. Жители Парижскіе! но и вооруженная Европа не принудилабъ насъ къ тому, еслибъ то не соотвѣтственно было обязанностямъ нашимъ.“

Нужны были еще голоса *Сената* и *Законодательнаго Сословія*. Но Сенатъ въ продолженіи десяти лѣтъ поверженъ былъ въ цѣпяхъ у ногъ *Корсиканца* (1). Засѣдали однако и въ немъ люди, заслужившіе уваженіе на поприщѣ Государственномъ и на поприщѣ военномъ. Впрочемъ Сенатъ

---

(1) Смот. Ист. Альфонса де Бошама, Часть II, стр. 313.

казался уничтоженнымъ подъ развалинами престола Императорскаго.

Слѣдующее объявленіе АЛЕКСАНДРА Перваго оживило упадшія души вѣрныхъ сыновъ отечества:

„Войска Союзныхъ Державъ заняли столицу Франціи.

„Союзныя Державы объявляютъ:

„Естьли условія мира требовали сильнѣйшихъ поручительствъ, когда надлежало обуздать честолюбіе Бонапарта, то и сіи самыя условія должны быть благопріятнѣйшими, когда, обратясь къ благоустроенному правленію, Франція сама доставитъ удостовѣреніе въ общемъ спокойствіи.

„Въ слѣдствіе чего Союзные Государи возвѣщаютъ:

„Что они не будутъ договариваться ни съ Наполеономъ Бонапартомъ и ни съ кѣмъ изъ его семейства.

„Что Они признаютъ неприкосновенность Франціи въ томъ состояніи, въ какомъ существовала она при законныхъ Короляхъ; Они даже могутъ болѣе сдѣлать, ибо Они неизмѣнно руководствуются правиломъ, что для счастія народа Франція должна быть обширнымъ и сильнымъ Государствомъ.

„Что Они признаютъ и утвердятъ Конституцію Французскаго народа. А въ слѣдствіе сего и приглашаютъ Сенатъ немедленно избрать временное правительство для попеченія о дѣлахъ общественныхъ и для приготовленія Конституціи, приличной Французскому народу.

„Намѣренія, Мною изложенныя, согласны съ намѣреніями всѣхъ союзныхъ Державъ.“

Такъ вѣщалъ АЛЕКСАНДРЪ Первый, и такимъ образомъ союзные Государи за долговременное разореніе областей своихъ отомщали Франціи: предлагали ей миръ, независимость и избраніе законнаго правленія (1).

Удивленный и оживотворенный Сенатъ собрался подъ предсѣдательствомъ Князя *Талейрана-Перигора*, который со времени Гишпанской войны, то есть съ 1808 года, вовсе отклонился отъ Наполеона. Временное правительство избрано было изъ слѣдующихъ пяти Членовъ: Князя *Талейрана*, Графа *Бернонсиля*, Графа *Далберга* и Аббата *Монтескю*.

(1) Смотр. Исторію походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 315.

Въ заключеніи воззванія къ Французскимъ войскамъ временное Правительство говорило: „Вы уже не Наполеоновы солдаты; Сенатъ и цѣлая Франція освобождаютъ васъ отъ данной ему присяги.“

Австрійскій Фельдмаршалъ Князь Шварценбергъ, препровождая къ Маршалу *Мармонту* воззваніе Сената, писалъ къ нему между прочимъ; „Убѣждаю васъ именемъ отечества вашего и человѣчества, преклоните слухъ къ предложеніямъ, которыя единственно могутъ остановить кровопролитіе и сохранить жизнь храбрыхъ Французовъ, имѣющихъ честь быть подъ вашимъ начальствомъ.“

Зная давнишнюю приверженность *Мармонта* къ Наполеону, Князь *Шварценбергъ* и Князь *Меттернихъ* препоручили внушить посланному, „что судьба Бонапарта рѣшена; что со стороны Италіи и Австріи взяты всѣ предосторожности; что слабые остатки его войскъ не могутъ сопротивляться союзнымъ арміямъ; что Парижъ и другія Французскія области съ восторгомъ пристали къ Бурбонамъ. Вы видите изъ сего,“ прибавилъ посланный: „что теперь нужно только

спасши семейство Наполеона и доставить ему участь, соотвѣтственную прежнему его громкому существованію (1).“

Соглашаясь на сіи предложенія, *Мармонтъ* между прочимъ отвѣчалъ: „Мнѣніе общественное всегда было правиломъ моего поведенія.“

Поутру Марта 20 Россійскій ИМПЕРАТОРЪ и Король Прускій объѣзжали верхомъ лучшія части города Парижа. Повсюду привѣтствовали Ихъ тѣми же восклицаніями, какія гремѣли и наканунѣ; восклицаніями, излетавшими изъ сердецъ, оживотворенныхъ благостію Союзныхъ Государей (2).

Разнеслась молва, что Монархи посѣтятъ театръ; всѣ спѣшили туда взглянуть на Избавителей столицы Франціи. Въ сей вечеръ театръ представлялъ необычайное и единственное зрѣлище: въ него стеклись жители всѣхъ странъ Европейскихъ, одушевленные однимъ желаніемъ; *да возвратится миръ вселенной; да спасется родъ человѣческой!*

---

(1) См. Исторію политики Европейскихъ Державъ Графа *Паоли-Шаньи*, Часть III, стр. 164.
(2) Альфонсъ Бошамъ, Часть II, стр. 318.

Явились Союзные Государи и загремѣли продолжительныя восклицанія: „Да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ! да здравствуетъ Фридрихъ Вильгельмъ! Оркестръ заигралъ, или, лучше сказать, вновь оживилъ старинную любимую пѣсню Французовъ: *Да здравствуетъ Генрихъ Четвертой!*

Нѣсколько разъ заставляли актера пѣть слѣдующіе стихи:

„Герой! всеобщій миръ есть плодъ Твоихъ побѣдъ;
По славныхъ поднигахъ прими успокоенье!
Ты жребій нашъ рѣшилъ, насъ первый спасъ отъ бѣдъ;
Будь первый нашихъ здѣсь веселій украшенье.“

На театрѣ являлся еще гербъ ненавистнаго Корсиканца. Раздался общій вопль негодованія — изчезъ орелъ съ когтями окровавленными, блеснули *лиліи* (1).

На другой день сонмы жителей Парижскихъ, украшенные бѣлыми бантами и предшествуемые бѣлымъ знаменъ, обтекали Парижъ и восклицали: *да здравствуетъ Король!*

Множество молодыхъ людей конныхъ и пѣшихъ прибыли на площадь Людовика XV,

(1) Альфонсъ Бошамъ, Часть II.

гдѣ казненъ Людовикъ XVI ; съ ними были два юные гражданскіе чиновника *Брое* и *Ожіе*. Сей послѣдній въ благоговѣйномъ восторгѣ воскликнулъ : „Преклоните здѣсь колѣна, Господа! здѣсь, откуда Людовикъ XVI перешелъ къ жизни безсмертной. Преклоните колѣна передъ Богомъ: Онъ только одинъ произвелъ сіе чудо избавленія (1).“

Пѣшіе и конные повергліись на колѣна и простерли руки къ небесамъ.

Но трудныя еще предстояли преграды къ рѣшительному призыву Бурбоновъ. Двадцатилѣтнее волненіе возбудило привычку къ бурной жизни, чуждой нравственности и вѣры; разторглись узы семейственныя и общественныя; раболѣпная алчба къ обогащенію служила единственнымъ правиломъ; разсудокъ и опытность не существовали для юношей, порабощенныхъ завоевателю; а припомъ люди, закоснѣвшіе въ преступленіяхъ политическихъ и терзаемые угрызеніями совѣсти, содрогались при наименованіи законныхъ Королей. *Талейранъ*, въ домѣ котораго оста-

(1) Смотр. Исторію походовъ 1814 и 15 годовъ, Часть II, стр. 321.

новился Россійскій ИМПЕРАТОРЪ, успѣлъ согласить всѣ умы. Онъ возвѣстилъ, „что благородная душа Людовика не причастна мщенію, и что онъ явится въ предѣлахъ Франціи съ духовною брата своего, который въ послѣднія мгновенія жизни своей изрекъ общее прощеніе.“

Разторгнувъ наконецъ постыдныя цѣпи свои, Сенатъ изрекъ низверженіе Бонапарта и отправился къ АЛЕКСАНДРУ Первому. На привѣтствія Сенаторовъ Россійскій ИМПЕРАТОРЪ отвѣчалъ: „Человѣкъ, называвшійся Моимъ союзникомъ, вторгся въ предѣлы Моего Государства; съ нимъ воюю, а не съ Франціей. Я другъ Французскаго народа; нынѣшній вашъ подвигъ еще сильнѣе утверждаетъ сіе чувствованіе. Справедливость и благоразуміе требуютъ, чтобы Франціи дано было постановленіе, соотвѣтственное степени ея просвѣщенія. Союзники и Я, Мы желаемъ покровительствовать свободному вашему рѣшенію.“

И потомъ съ живѣйшимъ чувствованіемъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ прибавилъ сіи слова:

„Въ залогъ искренняго и непрерывнаго Моего союза съ Франціей возвращаю ей

всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи. Временное правительство просило Меня о томъ; дѣлаю сіе для Сената за нынѣшнее его опредѣленіе.“

Такимъ образомъ однимъ рѣченіемъ устъ своихъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Первый возвратилъ до двухъ сотъ тысячь плѣнныхъ. Сей подвигъ, достойный *Тита* и *Марка Аврелія*, явилъ очамъ Французскаго народа Самодержавную власть, сіяющую всѣми прелестями благотворенія (1).

Французы ловили и затверживали каждое слово Россійскаго ИМПЕРАТОРА. Проходя мимо столпа, воздвигнутаго Наполеону на *Вандамовской площади* и смотря на статую, на немъ поставленную, Онъ сказалъ: „У меня бы закружилась голова, естьлибъ Меня такъ высоко поставили.“

Въ тотъ же день первостепенные Французы увѣряли ГОСУДАРЯ, что они давно ожидали Его въ Парижѣ. „Я прибылъ бы скорѣе; но въ промедленіи Моемъ обвиняйте только мужество Французовъ.“

---

(1) См. Исторію походовъ 1814 и 15 г., Ч. II, стр. 327.

Мы уже предварительно упомянули о томъ, что Маршалъ *Мармонтъ*, по приглашенію Австрійскаго Фельдмаршала Князя *Шварценберга*, отклонился отъ Наполеона въ силу опредѣленія Французскаго Сената, что воспослѣдовало 23 Марта.

Наступилъ день 27 Марта 1814 года, наступилъ день отреченія Наполеона Бонапарта отъ похищеннаго престола, орошеннаго кровію злополучнаго Принца *Энгіенскаго*. Гласъ крови невиннаго страдальца возопилъ къ Небесамъ, и губитель добродѣтели палъ какъ преступникъ, стремившійся бѣжать отъ самаго себя. „Были," вѣщаетъ писатель Боговдохновенный: „были исполины и именитые и великіе и умѣвшіе воевать. Но не ихъ избралъ Богъ: не было въ нихъ мудрости; погибли они за безсовѣстіе свое (1)."

Полководцы, вознесенные завоевателемъ, возвѣстили ему о паденіи его. Маршалъ *Ней*, прибывшій изъ Парижа въ *Фонтенебло*, гдѣ находился тогда Наполеонъ съ горестными осколками войскъ своихъ, подавая ему Парижскія извѣстія, сказалъ:

(1) См. книгу Пророка *Варуха* Глава 4.

„Вы уже не Императоръ; вотъ опредѣленіе низверженія вашего: мы не отвѣчаемъ за послушаніе войскъ; мы не властны надъ ними.“ Началось сильное преніе, и Маршалъ *Лефевръ* съ жаромъ воскликнулъ: „Вы погибли, Государь! Вы отвергали совѣты чиновниковъ своихъ; Сенатъ изрекъ ваше низверженіе.“

И такъ сперва народъ Французскій отвергъ Наполеона, потомъ Сенатъ; наконецъ изъ устъ Маршаловъ своихъ услышалъ онъ громовое извѣстіе о низверженіи своемъ. Быстро рушилось владычество похищенное и основанное на пагубѣ человѣчества!

Уже къ Наполеону Бонапарту, бывшему и первымъ Консуломъ и Императоромъ Франціи, прибыли Чиновники союзныхъ армій для препровожденія его на островъ *Эльбу*. Хотя всѣ здравомыслившіе люди видѣли, что сей неутомимый истребитель человѣчества помышлялъ только о сохраненіи ничтожнаго своего существованія, но раболѣпные его льстецы говорили:

„Смертный удивительный! Ему нужна была или вселенная или пустыня (1)."

Между тѣмъ донеслась вѣсть къ Вѣнценоснымъ и долголѣтнимъ страдальцамъ, что наступилъ уже для нихъ часъ награды за скорби и терпѣніе. „Надлежало сопричастну быть книгѣ тайныхъ судебъ Провидѣнія," говоритъ сочинитель *Исторіи политики Державъ Европейскихъ*: „чтобы помыслить, что человѣкъ, пятнадцать лѣтъ самовластно разпоряжавшій и Франціей и почти всей Европой, чтобы вождь исполинскихъ ополченій палъ въ одно мгновеніе, и чтобы потомокъ Святаго Людовика, всего лишенный, кромѣ законнаго права, чтобы изгнанникъ, жившій въ пустынномъ безмолвіи въ *Гартвилѣ*, послѣ двадцатилѣтнихъ злоключеній, вступилъ на блистательный престолъ Франціи (2)."

Въ чужеземномъ жилищѣ Людовика никто не могъ промолвить ни слова, когда получено было извѣстіе о призывѣ его

---

(1) См. Исторію походовъ 1814 и 15 г., Часть II, стр. 369.

(2) См. Исторію политики Европейскихъ Державъ Графа *Поали Шаньи*, Часть IV, стр. 303.

во Франціи. Дщерь *Короля-мученика*, дщерь Людовика XVI, первая прервала молчаніе и сказала: „Возблагодаримъ небесное Провидѣніе и единодушно рѣшимся простить и забыть прошедшее. Я для того только желаю возвратиться въ родной край, чтобы исполнить обязанности, предписанныя мнѣ незабвеннымъ моимъ родителемъ въ его духовномъ завѣщаніи.“

Плакала дщерь *Короля-мученика*, плакалъ братъ его, плакали всѣ предстоявшіе.

Изъ Лондона прибылъ въ *Гартвиль* Маркизъ *Бетфортъ* съ поздравительнымъ письмомъ отъ бывшаго Принца-Регента, а нынѣшняго Короля Англинскаго. Всѣ удивились паденію Наполеона; всѣ удивились, что Людовикъ, безпріютно странствовавшій подъ скромнымъ наименованіемъ *Графа Лильскаго*, увидитъ Францію, увидитъ отечество и взойдетъ на престолъ праотеческій.

28 Марта 1814 года Людовикъ *Осмойнадесять* торжественно прибылъ въ окрестности Лондона. Восхищенный народъ единодушно восклицалъ: *да здравствуетъ Король!*

Бывшій Принцъ-Регентъ встрѣтилъ Людовика въ *Станморѣ* и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Лондонъ.

Людовикъ остановился въ гостинницѣ *Грильенской*, гдѣ уже ожидали его посланники: Россійскій, Австрійскій, Испанскій и Португальскій; тутъ же находилось болѣе ста Французскихъ дворянъ.

Въ присутствіи пословъ и вѣрныхъ сыновъ Франціи начался слѣдующій достопамятный разговоръ между бывшимъ Англинскимъ Принцемъ-Регентомъ и Людовикомъ:

Принцъ-Регентъ. Позвольте, Ваше Величество, принесть вамъ поздравленіе по случаю произшествія, увѣнчавшаго пламенныя мои желанія и которое доставитъ Франціи щастіе и возвратитъ всѣмъ народамъ спокойствіе. Всѣ Англичане то же чувствуютъ, что и я; могу удостовѣрить васъ, что и въ собственной вашей столицѣ не встрѣтятъ васъ съ такимъ восторгомъ, какой произвело въ столицѣ Великобританніи извѣстіе о возстановленіи Вашего Величества на престолъ Франціи.

Король. Примите, Ваше Королевское Высочество, искреннюю признательность

за ваше поздравленіе и за непреврашную любовь къ намъ всего вашего Дома. Провидѣнію, совѣтамъ Вашего Королевскаго Высочества, сей знаменитой Державѣ и непоколебимому терпѣнію ея народа, обязанъ я возстановленіемъ моего Дома на престолъ праотеческій и нынѣшними обстоятельствами, доставляющими мнѣ способъ изцѣлить язвы, нанесенныя Франціи, успокоить страсти и возвратить миръ и спокойствіе всѣмъ народамъ.

Принцъ-Регентъ. Ваше Величество обозрѣваете поступки мои съ пристрастной стороны. Все достоинство мое единственно состоитъ въ исполненіи обязанности, возложенной на меня сердечнымъ побужденіемъ и всѣми справедливыми отношеніями. Ваше Величество можете быть увѣрены, что я блистательно награжденъ *событіями*, *подающими* намъ сей поводъ къ взаимнымъ поздравленіямъ. Царствуйте, Ваше Величество, долгое время въ мирѣ, *щастіи и славѣ!*

Король. Слабо могу изъяснить Вашему Королевскому Высочеству благодарныя чувствованія моего сердца; но *постоянная* пріязнь и великодушное покровительство

Вашего Королевскаго Высочества, равномѣрно и всего вашего Дома, которыхъ я удостоенъ былъ во все пребываніе мое въ сей великой и щастливой странѣ, не испребятся изъ памяти моей до послѣдняго моего дыханія (1)."

29 Марта подъ стѣнами *Тулузы*, гдѣ не было еще извѣстно ни о заняніи Парижа, ни о низверженіи Наполеона, ни о призывѣ Бурбоновъ, *Веллингтонъ* сражался съ Маршаломъ *Сультомъ* и овладѣлъ *Тулузою*.

Первые ряды Англичанъ встрѣчены были восклицаніями: *да здравствуетъ Король!* въ то же мгновеніе низвергли Наполеоновъ *бюстъ*. Баронъ *Арбу Кастильонъ* поспѣшилъ въ главную квартиру *Веллингтона*. Едва выѣхалъ онъ изъ воротъ на большую дорогу, крестьяне Французскіе по бѣлому султану и по бѣлому шарфу сочли его за Принца *Ангулемскаго*, ожидаемаго съ нетерпѣніемъ. Восклицая: *да здравствуетъ Король!* крестьяне цѣловали и сапоги и одежду и лошадь Барона *Арбу*. Проливая слезы, Баронъ говорилъ:

(1) См. Исторію политики Европейскихъ Державъ Графа *Паоли Шаньи*, Часть IV, стр. 207.

„И вы, друзья мои, вы желаете Короля!“ — „Желаемъ Короля; не хотимъ Бонапарта! Да здравствуетъ Король!“ возглашали они единодушно. И такъ и въ чертогахъ и на нивахъ земледѣльческихъ, вездѣ гремѣло проклятіе противъ истребителя человѣчества.

Двое посланныхъ отъ Герцога *Ангулемскаго* повстрѣчались съ Бароном *Д'арбу* и подали ему слѣдующее начертаніе на тафтѣ: „Желаю, чтобы по отступленіи Французской арміи *Тулуза* подражала городу *Бордо* и пристала бы къ Королю.“

„Безцѣнна сія тафта!“ сказалъ Баронъ *Д'арбу* посланнымъ Принца Ангулемскаго: „но наше сердце предписало намъ нашу обязанность: *да здравствуетъ Король!*“ Прибывъ къ *Веллингтону*, онъ объявилъ ему, что Тулуза подняла бѣлое знамя. Осторожный Англинскій Полководецъ, почитая сей порывъ еще безвременнымъ, сказалъ: „Уже ли вы не знаете, что въ *Шатильонѣ* продолжаютъ переговариваться съ *Бонапартомъ*. Что же будетъ съ вами, естьли съ нимъ примирятся?“ — „Мы исполнили нашъ долгъ,“ отвѣчалъ *Баронъ Д'арбу*: „мы умремъ за Короля.“ — „Теперь“

сказалъ *Веллингтонъ*: „теперь въ первый разъ вѣрю существованію конгресса.“ И дѣйствительно во всей почти Франціи, особенно полуденной, конгрессъ почитали вымысломъ Наполеона (1).

Въ достопамятный день 29 Марта, въ бывшій тогда торжественный праздникъ Воскресенія Христова, пролилась въ послѣдній разъ кровь въ войну 1814 года (2).

Въ сей самый день, когда подъ стѣнами *Тулузы* прекращалась убійственная война Испанская, въ сей день въ столицѣ Франціи Рускія войска съ зарею утреннею выстроились по улицамъ; на площади Людовика XV, гдѣ былъ казненъ злополучный Людовикъ XVI, воздвигнутъ былъ олтарь. Раздалось пѣніе нашихъ церковнослужителей. АЛЕКСАНДРЪ Первый, Король Прускій, Французскіе Маршалы и всѣ тамъ присутствовавшіе преклонили колѣна (3). Тѣнь *Короля-мученика* успокоилась. Тамъ, гдѣ духовникъ, сопровождавшій его на лоб-

---

(1) См. Исторію войны 1814 и 815 г., Часть II, стр. 467.
(2) Мѣсяцословъ 1815 г. стр. 119.
(3) См. Записки А. И. Даниловскаго въ Рускомъ Вѣстникѣ и въ Театрѣ свѣта.

ное мѣсто, вѣщалъ: *сынъ Святаго Людовика! гряди въ небеса!* тамъ подъ яснымъ сводомъ небеснымъ Самодержецъ Россіи совершалъ молебствіе; оттуда душевное Его моленіе возносилось къ Царю Царей, Защитнику правоты и Карателю утѣснителей человѣчества.

Дивныя, неслыханныя событія совершились на лицѣ земли 1814 года. Навсегда останется въ лѣтописяхъ всемірныхъ день 29 Марта, въ который вѣра, сія посланница Небесъ, освятила то мѣсто, гдѣ погибъ *Король-мученикъ*.

Въ сей незабвенный день ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ наградилъ Орденомъ Андрея Первозваннаго Полковника Лагарпа, бывшаго въ числѣ Его наставниковъ (1).

Необычайна была сія награда; но необычайны были вѣра, вѣрность и безпредѣльная приверженность сего уроженца древней *Гельвеціи* къ Россіи и къ ея Самодержцу. Онъ жилъ для АЛЕКСАНДРА Перваго, а не для себя. Но естьлибъ онъ въ то же время помыслилъ только преклонить колѣно передъ самовластителемъ Франціи,

(1) См. вышеупомянутыя Записки.

но былъ бы осыпанъ и блистательными почестями и сокровищами. Но сей благородный сынъ Швейцаріи во все продолженіе борьбы правоты съ насиліемъ, внѣ Россіи, служилъ Россіи. Соединясь съ Княземъ *Талейраномъ* и съ другими ревностными друзьями свободы Европейской и человѣчества, онъ жизнію своей ручался, что АЛЕКСАНДРЪ Первый водворитъ въ предѣлахъ Франціи миръ, спокойствіе и законное правительство. Онъ оставилъ Парижъ еще при владычествѣ Наполеона и неусыпныхъ его лазутчиковъ, и прибывъ въ станъ Союзныхъ Государей, возвѣстилъ, что большая часть Сенаторовъ и Членовъ Законодательнаго Сословія готовы изречь низверженіе Наполеона, и что къ совершенію сего спасительнаго подвига они ожидаютъ подкрѣпленія союзныхъ войскъ. Онъ прибавилъ, что обиженные гражданскіе и военные чиновники, что ограбленные владѣльцы недвижимыхъ имѣній, что всѣ вопіютъ противъ нестерпимаго мучительства упѣснителя Франціи (1).

---

(1) См. Исторію паденія Наполеоновой Державы, Часть II, спр. 232.

АЛЕКСАНДРЪ Первый, воспитываясь подъ руководствомъ Августѣйшихъ Своихъ Родителей и Великой своей Бабки, отъ самой колыбели оживотворился чувствованіями величественными и великодушными, чувствованіями, примирившими Францію съ Европой и со вселенною.

Не напрасно въ Посланіи своемъ къ Екатеринѣ Второй Вольтеръ сказалъ: *Отъ странъ Сѣверныхъ истекаетъ къ намъ благотворное сіяніе.* Отъ Сѣвера истекло 1814 года сіе отрадное сіяніе, разсѣявшее мракъ, облекавшій Европу и Францію.

Истинные сыны Франціи давно уже усердными сердцами приглашали въ предѣлы Франціи АЛЕКСАНДРА Перваго, и предрекали, что отъ Него ожидаютъ возстановленія престола Людовика Святаго. Знаменитѣйшій стихотворецъ своего времени, *Делиль*, за нѣсколько лѣтъ до 1814 года сказалъ: „Юный и достойный Наслѣдникъ Самодержцевъ Россіи! на Тебя вселенная обращаетъ взоры. Ознаменуй блескъ имени Своего! Нѣкогда *Александръ* возвелъ на престолъ пресщарѣлаго *Абдолонима*;

на чело Людовика Ты возложишь вѣнецъ (1).“

Апрѣля 3 Австрійскій Императоръ торжественно вступилъ въ Парижъ въ сопровожденіи прекраснаго кирасирскаго полка Принца *Лихтенштейна* и отрядовъ Нѣмецкой гвардіи, Венгерской и Богемской. Повсюду раздавались восклицанія: *Да здравствуетъ Австрійскій Императоръ! да здравствуетъ избавитель народовъ* (2)!

Отъ лица Сената Князь *Талейранъ* привѣтствовалъ Австрійскаго Императора сими словами:

„Государь! Сенатъ обязанъ вамъ особеннымъ благоговѣніемъ.

„Ваше Величество великодушными пожертвованіями возстановили прочный союзъ Франціи съ Австріей; сей союзъ, соединяя нераздѣльныя ихъ выгоды, обнадеживаетъ Европу общимъ миромъ.

„Знаменитая дщерь Императорская, одушевленная духомъ В. В., тщетно употребляла и мудрое благоразуміе и очаровательную кротость; она не достигла цѣли

---

(1) См. *Делилеву* Поему, подъ заглавіемъ: *Состраданіе.*

(2) См. Исторію Альфонса Бошама.

своей. Надежды В. В. и надежды знаменитой дщери Императорской изчезли вмѣстѣ съ нашими надеждами.

„Вы, В. В., не поколебались въ обязанностяхъ своихъ. По убѣжденію, что долгъ Государя есть первый долгъ, вы спасли Европу и отдали на произволъ собственнаго жребія того, кто хотѣлъ ее истребить, и наконецъ нашелъ пагубу въ слѣпыхъ своихъ прихотяхъ.

„Государь! Сенатъ изъявляетъ вамъ глубочайшую признательность за сіе сугубое благодѣяніе, изъявленное Вашимъ Величествомъ и какъ Отцемъ и какъ Государемъ.

„Послѣ пятнадцати-лѣтнихъ смертоносныхъ волненій, вселенная успокоилась; Европа твердо возстановлена на древнихъ ея основаніяхъ, и народы, которые суть первыя семейства Государей, составляютъ уже одно семейство. Да наслаждаетесь вы, В. В., еще долго симъ щастливымъ событіемъ и да найдете въ великой душѣ своей награду за безчисленныя свои пожертвованія (1)!“

---

(1) См. Исторію политики Европейскихъ Державъ, Часть IV, стр. 191.

Австрійскій Императоръ отвѣчалъ:

„Сенаторы! изъясненіе вашихъ чувствованій отозвалось въ сердцѣ моемъ. Народъ мой дорожитъ спокойствіемъ и щастіемъ Франціи. Какъ сосѣдъ Франціи, не могу быть чуждымъ ея выгодамъ. Австрія и Франція были на верху благоденствія, когда дружественной союзъ существовалъ между ихъ Государями.

„Двадцать лѣтъ сражался я противъ правилъ, опустошавшихъ вселенную. Какъ Монархъ и отецъ, я принесъ необычайную жертву бракосочетаніемъ моей дочери и доказалъ живое мое желаніе положить предѣлъ страданіямъ Европы: жертва сія осталась безуспѣшною; но я никогда въ томъ не разкаюсь.

„Миръ, доселѣ казавшійся невозможнымъ, легко возобновится подъ сѣнію благоучрежденнаго и отеческаго правленія, предстоящаго Франціи. Пустъ изчезнетъ разномысліе, пустъ всѣ души устремятся къ Королю: тогда усилія мои и усилія моихъ Союзниковъ увѣнчаются наградой, заключающеюся въ томъ: да бу-

детъ Франція могущественна, спокойна и щастлива (1).“

Сіи слова Австрійскаго Императора: *я двадцать лѣтъ сражался противъ правилъ, опустошавшихъ вселенную*, раздражили Бонапартовыхъ Сенаторовъ и они не хотѣли внести оныхъ въ протоколъ. „Изъ сего явствуетъ,“ говоритъ *Альфонсъ Бошамъ*: „что они все еще коснѣли въ правилахъ мятежа Французскаго (2).“

Сей же самый Сенатъ домогался похитить власть законодательную. Уже докладчики готовились читать изданную имъ *Конституцію*; но Аббатъ *Монтескю*, Членъ *Временнаго Правленія*, возразилъ: „Кто вы такіе, что мы такое? Кто вамъ далъ право издавать Государственное постановленіе? Кто мнѣ предоставилъ право говорить *отъ имени Короля*? Гдѣ ваше и мое уполномочиваніе? Но не зная нашихъ взаимныхъ правъ, мы не въ безвѣстіи о чувствованіяхъ Короля и народа: Герцогъ

(1) См. Исторію политики Европейскихъ Державъ. Часть IV, стр. 194.
(2) См. Исторію войны 1814 и 815 г., Часть II, стр. 511.

Ангулемскій возвѣстилъ оныя въ городѣ *Бордо* (1)."

Отъ имени Короля Герцогъ *Ангулемскій* вѣщалъ гражданскимъ Чиновникамъ: „Принесите народу сладостную надежду и передайте Королю истину. Говорите вездѣ, повторяйте и въ бѣдныхъ хижинахъ, что Король возвращается съ чувствованіями отца; что онъ будетъ дѣлить скорбь своего народа, доколѣ не отвратитъ ее."

Къ успокоенію умовъ Сенаторовъ, Князь *Талейранъ* говорилъ: „Вы найдете въ Королѣ человѣка превосходнаго ума и отличнаго дарованія; вы услышите изслѣдованія его о *конституціи:* и такъ приготовляйтесь къ чести вступить съ нимъ на сіе поприще."

Между тѣмъ сопротивники Сенаторовъ восклицали: „По какому праву похитили вы и почести и сокровища? Что вы оставите разоренной Франціи? Чѣмъ наградимъ мы злополучныхъ матерей семействъ, которыхъ вы столько разъ повергали въ отчаяніе безбожными вашими опредѣленіями? Нѣтъ! Бонапартовы Сенаторы! нѣтъ! Франція не назо-

(1) *Альфонсъ Бошамъ*, Часть II, стр. 393.

вепъ васъ отцами отечества. Не вы ли съ рабственнымъ *ласкательствомъ обоготворяли* тирана? не васъ ли влекъ онъ за громоносною своею колесницей? не вы ли для кумира своего *изобрѣли* новый *языкъ*? не вы ли называли человѣколюбіемъ *изверженство*, мудростью *безуміе*, умѣренностію *опустошеніе вселенной* (1)?

8 Апрѣля 1814 года Наполеонъ Бонапартъ, обагренный кровію народовъ и сопровождаемый проклятіемъ вселенной, отправленъ былъ изъ *Фонтенебло* на островъ *Эльбу*. Не спасли завоевателя *милліонъ триста тысячъ* войскъ, обреченныхъ отъ начала 1813 до начала 1814 года, набранныхъ Сенатомъ и особенно *Камбасересомъ*, къ защитѣ его личности (2). „Тщетно," вѣщалъ Консулъ Плиній въ Римскомъ Сенатѣ Императору Траяну: „щедрино мучители народа обогащаютъ раболѣпныхъ ласкателей; они не защитятъ ихъ во времена злополучныя. Блаженъ Государь, внимающій радостныя восклицанія отцевъ, матерей, старцевъ и отроковъ малолѣт-

(1) *Альфонсъ Бошамъ.*
(2) См. Жизнь Архи-Канцлера Камбасереса, стр. 267.

нихъ! Любовью ограждаются Царство и престолъ."

Раболѣпный Сенатъ, безмолвствовавшій при Наполеонѣ, при перемѣнѣ обстоятельствъ усиливался продлить свое владычество. Не взирая на убѣжденія Россійскаго ИМПЕРАТОРА, онъ болѣе помышлялъ о личной выгодѣ, а не объ общихъ пользахъ Франціи. Въ слѣдствіе сего опредѣлено было, что Сенаторы удержатъ прежніе свои доходы (1).

Но 12 Апрѣля 1814 выступилъ на берегъ Франціи природный и старинный Французъ, Людовикъ Осмойнадесять.

Россійскій ИМПЕРАТОРЪ посѣтилъ Короля въ *Компіенѣ* безъ всякаго блеска и съ ангельскимъ дружелюбіемъ обнялъ Людовика, возстановленнаго Провидѣніемъ и ревностными усиліями Союзниковъ (2).

АЛЕКСАНДРЪ Первый посѣтилъ также Принца *Конде*. При входѣ Его всѣ предстоявшіе воскликнули: „Да здрав-

(1) См. Исторію политики Державъ Екропейскихъ, Часть IV, стр. 233.

(2) Смотн. Исторію политики Европейскихъ Державъ, Часть IV, стр. 214.

ствуетъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ! да здравствуетъ нашъ великодушный Союзникъ!“

„Россійскій ИМПЕРАТОРЪ,“ говоритъ сочинитель Исторіи *политики Европейскихъ Державъ*: „въ полной мѣрѣ заслужилъ сіе общее изъявленіе сердечной благодарности. Онъ есть истинный и единственный спаситель Европы; силѣ оружія и искусной Его политикѣ обязаны народы событіями, преобразившими въ нѣсколько мѣсяцовъ лице вселенной.“

Въ селеніи *Сентъ-Ценскомъ* Король возразилъ противъ постановленія, сочиненнаго Сенатомъ.

Прибывъ въ Парижъ, Король немедленно посѣтилъ храмъ Божіей Матери. На привѣтствія духовенства онъ отвѣчалъ:

„Вступя въ добрый мой городъ Парижъ, поставляю себѣ первымъ долгомъ благодарить Бога и Божію Матерь, Покровительницу Франціи, за чудесное прекращеніе моихъ бѣдствій. Я потомокъ Святаго Людовика; буду подражать его добродѣтелямъ.“

Какое разительное представляла зрѣлище дщерь Людовика XVI, стоявшая въ

храмѣ на колѣняхъ! Она казалась ангеломъ примирителемъ между небомъ и землею, между Провидѣніемъ и злополучною Франціей (1).

При входѣ въ *Тюльерійскій* дворецъ двѣсти женщинъ въ бѣломъ одѣяніи встрѣтили дщерь *Короля-мученика*; повергшись на колѣна и просили благословенія. *Этого не перенесетъ мое сердце!* воскликнула она и упала безъ чувствъ, волнуясь скорбными напоминаніями.

Мія 6 Графъ Беннингсенъ издалъ слѣдующее воззваніе къ Гамбургскимъ жителямъ:

„Гамбургцы! истекъ послѣдній и люттѣйшій годъ вашихъ испытаній. Вы зрѣли, какъ Богъ, защитникъ правоты, поразилъ и низпровергъ мучителя, который коварствомъ и силою вновь сковалъ расторженныя оковы ваши. Нынѣ предстоитъ вамъ миръ твердый и долговременный; благодѣтельныя его послѣдствія изцѣлятъ ваши раны.

„Сила и мудрость вашихъ праотцевъ учинили украшеніемъ Германскаго отече-

---

(1) Альфонсъ Бошамъ, Часть II, стр. 530.

сшва градъ вашъ, лежащій на берегахъ благодатной рѣки и сопредѣльный со многими областями; тѣмъ пагубнѣе были для васъ удары, нанесенные вамъ врагомъ общаго спокойствія. Онъ разрушилъ ваше щастіе: онъ отторгъ васъ отъ древняго священнаго союза. Вступая снова на сіе поприще, возобновляя прежнее учрежденіе свое, оживотворяя свободу свою, не забывайте прошедшаго; да служитъ оно всегда для васъ поучительнымъ урокомъ: наслаждаясь благами мира, воскрешайте въ мысляхъ своихъ память храбрыхъ и прямодушныхъ предковъ. Блестящія ихъ дѣянія угасли для васъ въ то время, когда новые обычаи и мирныя искуства отклонили васъ отъ трудныхъ подвиговъ вашихъ предковъ и усыпили въ душахъ вашихъ воинскую дѣятельность. Но предъ вами торжественно ознаменовалась сила народовъ, бодрствующихъ подъ сѣнію мира и всегда готовыхъ къ отраженію насилія. Дивные, необычайные ихъ подвиги перейдутъ въ потомство и удивятъ столѣтія отдаленныя.

„Радуюсь, что могу возвратить вамъ храбрыхъ гражданъ, которые, противо-

борствуя и насилію и угрозамъ и злополучію, непоколебимо устояли въ ревностномъ желаніи искупить васъ изъ плѣна пожертвованіемъ своей жизни.

„Прочіе храбрые граждане, сопровождающіе меня въ стѣны ваши, участвовали въ освобожденіи своего и вашего отечества. Съ нетерпѣніемъ ожидали они приказаній моихъ, чтобы низринуть съ грозныхъ валовъ притѣснителей вашихъ; но АЛЕКСАНДРЪ Первый и Союзники Его низложили на окрестныхъ высотахъ Парижа послѣдніе полки мучителя: торжество ихъ есть общее торжество областей, избавленныхъ отъ пламени и разрушенія.

„Одушевляясь примѣромъ ГОСУДАРЯ своего, Россіяне вмѣстѣ съ собою вводятъ повсемѣстно миръ и щастіе народовъ. Твердо уповаю, что вступающія со мною войска Рускія подтвердятъ истину сихъ словъ. Будьте увѣрены въ томъ, что доколѣ по волѣ ГОСУДАРЯ моего буду среди васъ, дотолѣ правосудіе и оружіе наше будутъ охранять васъ неусыпно. Надѣюсь, что и вы съ своей стороны, единодушнымъ согласіемъ, благоразуміемъ и богобоязненною довѣренностію къ Провидѣнію,

подкрѣплявшею вашихъ предковъ, созиждете новое счастіе вашего города, и спремясь къ сей благородной цѣли, обуздаете всѣ порывы къ раздорамъ и мщенію. Слабыхъ и ослѣпленныхъ возстановимъ прощеніемъ и великодушіемъ; замыслы низверженнаго мучительства и виновникъ бѣдствій, поразившихъ Европу, поразятся наказаніемъ небеснымъ.

„Сими желаніями и сердечными привѣтствіями предваряю вступленіе мое въ вашъ городъ.“

Людовикъ Осмойнадесять, названный желаннымъ, принялъ престолъ предковъ своихъ.

Мая 18 подписанъ миръ между Франціей и Союзными Державами. Границы Франціи назначены сообразно существованію оныхъ 1792 года.

Въ тотъ же день въ столицѣ Франціи возпослѣдовалъ слѣдующій Высочайшій Манифестъ:

„Буря брани, врагомъ общаго спокойствія, врагомъ непримиримымъ Россіи подъявшая, недавно свирѣпствовавшая въ сердцѣ Отечества НАШЕГО, нынѣ въ страну непріятелей пренесшаяся, на ней отяго-

тилась. — Исполнилась мѣра терпѣнія Бога, защитника правыхъ! — Всемогущій ополчилъ Россію, да ею возвратитъ свободу народамъ и Царствамъ, да воздвигнетъ падшія! — Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ, тяжкій ранами, пріятыми въ грудь Отечества НАШЕГО для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ предъ лицемъ вселенныя въ величіи ея, положилъ основаніе свободы народовъ. — Съ прискорбіемъ души и истощивъ всѣ средства къ отвращенію беззаконной войны, прибѣгли МЫ къ средствамъ силы. Горестная необходимость извлекла мечь НАШЪ. Достоинство народа, промысломъ Всевышняго попеченію НАШЕМУ ввѣреннаго, воспретило опустить его во влагалище, доколѣ непріятель на землѣ НАШЕЙ. — Торжественно дали МЫ сіе обѣщаніе, дали его, не обольщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, но во времена щастія. — Съ сердцемъ чистымъ изліявъ у олтаря Предвѣчнаго моленія НАШИ, въ твердомъ упованіи на правосудіе Его, исполненны чувствъ правоты НАШЕЙ, призвали Его на помощь. — МЫ

предпріяли дѣло великое. Во благости Божіей снискали конецъ его. — Единодушіе любезныхъ НАМЪ вѣрноподданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ Отечеству, утвердили надежды НАШИ. Россійское Дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величіе его, служители олтарей всесильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры, знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никакихъ пожертвованій. Кротkій поселянинъ, незнакомый дотолѣ со звукомъ оружія, оружіемъ защищалъ Вѣру, Отечество и ГОСУДАРЯ. Жизнь казалась ему малою жертвою. — Чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы предъ властію чуждою. — Дерзалъ ли кто налагать иго — не коснѣло наказаніе! — Вносилъ ли кто оружіе въ Отечество его — указуетъ онъ гробы ихъ! — Тако возносишъ Богъ уповающаго на Него! Враги побѣгли отъ лица нашего. Немногіе осталисъ, да возвѣстятъ о гибели. — Тако гордаго наказуетъ Богъ! — Новыя между тѣмъ приготовлялись враговъ ополченія. — Еще противоборствовавшіе Россіи народы поставляли

безопасность свою въ соединеніи силъ. — Дабы оградить Отечество отъ вторженія непріятелей, надлежало вынести войну внѣ предѣловъ его, и побѣдоносныя воинства НАШИ явились на Вислѣ. — Наступалъ тысяча восемьсотъ тринадцатый годъ! Народы склонили слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула. Души ихъ слились во единую. Ополченія составили единое ополченіе. — Противящіеся покорены оружіемъ. Быстрое прехожденіе отъ торжества къ торжеству привело на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва протекъ годъ, узрѣлъ онъ насъ при вратахъ Парижа! — Французской народъ, никогда не возбуждавшій въ насъ чувствъ враждебныхъ, удержалъ громъ нашъ, готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ея бездну, расторгла узы обольщенія, устыдилась быть орудіемъ властолюбца. Гласъ отечества пробудился въ душѣ народа. Возникъ новый вещей порядокъ: призванъ на престолъ законный Государь. — Франція возжелала мира; ей дарованъ онъ великодушной и прочной. — Миръ сей, залогъ частной каждаго народа

безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаетъ благоденствіе Европы, пріуготовляетъ возмездія, достойныя понесенныхъ трудовъ, преодолѣнныхъ опасностей. — Всемогущій положилъ предѣлъ бѣдствіямъ. Прославилъ любезное НАМЪ Отечество въ роды родовъ. Воздалъ НАМЪ по сердцу и желаніямъ. — МЫ, благоговѣя предъ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души НАШЕЙ, ПОВЕЛѢВАЕМЪ: да во всемъ пространствѣ Имперіи НАШЕЙ принесется торжественное молебствіе милосердому Богу. Увѣрены МЫ, что Россія падетъ на колѣна и проліетъ слезы радости у престола Всещедраго."

21 Мая ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ отправился въ Англію. Знаменитѣйшіе Англинскіе Вельможи, очарованные ЕГО обхожденіемъ, называли АЛЕКСАНДРА Перваго *Благовоспитаннѣйшимъ Европейцемъ* (1).

---

(1) См. тогдашнія печатныя извѣстія.

На возвратномъ пути ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Россію отъ всѣхъ Государственныхъ сословій предложено было ЕМУ наименованіе: Благословеннаго. АЛЕКСАНДРЪ Первый на сіе предложеніе отвѣчалъ сими словами отъ 30 Іюня 1814 изъ города *Брюксаля*:

„Внимая посланному ко МНѢ отъ Святѣйшаго Сунода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената прошенію о воздвигнутіи МНѢ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія БЛАГОСЛОВЕННЫЙ, не могъ Я во глубинѣ души МОЕЙ не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой чувствованія Россійскихъ Государственныхъ сословій, подносящихъ МНѢ имя самое для МЕНЯ лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души МОЕЙ стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на СЕБЯ и на ввѣренный МНѢ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ МНѢ вѣрноподданныхъ МОИХЪ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ

МОИХЪ желаній и МОЕГО благополучія! Но при всемъ тщаніи МОЕМЪ достигнуть до сего не позволяю СЕБѢ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что Я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю оное съ правилами и образомъ мыслей МОИХЪ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ МОИХЪ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, САМЪ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную МОЮ признательность, убѣждаю Государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится МНѢ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ МОИХЪ къ вамъ! Да благословляетъ МЕНЯ въ сердцахъ своихъ народъ МОЙ, какъ Я въ сердцѣ МОЕМЪ благословляю оный! да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо МНОЮ и надъ нею благословеніе Божіе!“

13 Іюля 1814 года прибылъ въ Столицу свою на берега Невы Самодержецъ Россіи, по Ангельской скромности не принявшій наименованія: „Благословеннаго,“ но и въ предѣлахъ Отечества и въ дальнихъ

краяхъ чужеземныхъ водимый десницею Провидѣнія.

День 30 Августа 1814 года, день Ангела Помазанника Божіяго, ознаменовался благодѣяніями, изліянными на всю обширную Россію.

Слѣдующій Высочайшій Манифестъ о томъ же возвѣщаетъ:

„Долговременное отсутствіе изъ отечественной страны наводило сердцу НАШЕМУ тяжелую скорбь, которая при всѣхъ успѣхахъ и благополучныхъ дѣлахъ не переставала НАМЪ сопутствовать. Единое то служило НАМЪ утѣшеніемъ, что МЫ многотрудное и громоносное оружіе свое не для тщетной славы толь далеко отъ предѣловъ земли НАШЕЙ несли, но какъ для ея собственной чести и безопасности, такъ и для спокойствія всей Европы. Богъ неизреченною своею милостію вознаградилъ НАШЕ терпѣніе и труды. Онъ сокрушающуюся о чадахъ своихъ Россію обрадовалъ возвращеніемъ ихъ въ нѣдра ея съ миромъ и славою. Никогда не чувствовали МЫ толь великаго блаженства, какъ при вступленіи въ предѣлы благословенной области НАШЕЙ, куда несли МЫ сердце, исполнен-

ное любовію къ доспойному оной народу НАШЕМУ, и гдѣ встрѣчены были всеобщимъ усердіемъ и радостію. Нынѣ хотя постановленіе и устроеніе дѣлъ въ Европѣ для общаго всѣхъ народовъ успокоенія и требуетъ отбытія НАШЕГО изъ Россіи, но сіе отбытіе, уповаемъ на милость Божескую, будетъ уже недолговременное и съ полнымъ окончаніемъ внѣшнихъ дѣлъ возвратитъ НАСЪ къ безпрепятственному попеченію о внутреннемъ Государства НАШЕГО благѣ. Между тѣмъ, въ ознаменованіе всѣхъ взаимныхъ чувствованій, на любви, благодарности и благополучіи основанныхъ, которыя МЫ днесь вкушаемъ, и въ сохраненіе памяти безпримѣрнаго единодушія и ревности, увѣнчанныхъ отъ руки Всевышняго толь знаменитыми произшествіями, возжелали МЫ учредить и постановить слѣдующее:

„I. Для принесенія Всемогущему Богу теплыхъ и усердныхъ молитвъ за избавленіе Державы НАШЕЙ отъ лютаго и сильнаго врага, и въ прославленіе въ роды родовъ сего совершившагося надъ НАМИ промысла и милости Божіей, постановляемъ МЫ ежегодное празднованіе въ день

Рождества Христова: о чемъ съ подробнѣйшими объясненіями данъ будетъ Святѣйшему Синоду особый Указъ.

„II. Священнѣйшее Духовенство НАШЕ, призывавшее предъ Олтаремъ Всевышняго теплыми молитвами своими благословеніе Божіе на Всероссійское оружіе и воинство и примѣрами благочестія ободрявшее народъ къ единодушію и твердости, въ знакъ благоговѣнія къ Вѣрѣ и любви къ Отечеству да носитъ на персяхъ своихъ, начиная отъ верховнаго Пастыря включительно до Священника, нарочно учреждаемый для сего крестъ съ надписью: 1812 года.

„III. Побѣдоносное воинство НАШЕ, котораго храбрость и прежде, даже и въ самыя отдаленнѣйшія времена, всему свѣту была извѣстна, и которое нынѣ новыми подвигами своими не токмо Отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкуситъ сладкую награду въ душѣ и совѣсти своей. Всякое иное возмездіе не сравнится съ дѣлами его и доблестію. Но МЫ однакожъ, въ знакъ памяти содѣяннаго имъ великаго произшествія, желаемъ ознаменовать оное особою учрежденною для него медалію, съ изображеніемъ на оной года и

числа вступленія въ Парижъ. Такожъ надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ НАМЪ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства.

„IV. Благородное Дворянство НАШЕ, вѣрная и крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ Царю и Отечеству, наипаче же нынѣ изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской лентѣ медалію съ тѣмъ самымъ изображеніемъ, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 годъ. Сію бронзовую, крѣпости духа ихъ сообразную медаль, да возложатъ на себя отцы или старѣйшины семействъ, въ которыхъ, по смерти носившихъ оную, остается она въ сохраненіи у потомковъ ихъ яко знакъ оказанныхъ въ семъ году предками ихъ незабвенныхъ заслугъ Отечеству.

Впрочемъ МЫ несомнѣнно увѣрены, что хотя Дворянство въ необычайную нынѣшнюю войну сильно пострадало и претерпѣло великіе убытки, но пріобрѣтенная имъ истинная и неувядаемая слава исцѣлитъ раны его, утѣшитъ въ скорби, умножитъ еще болѣе должную и справедливую гордость быть Россіяниномъ, и увеличитъ заботу и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ; воздержность же отъ роскоши, матери пороковъ, и хозяйственное домостроительство, источникъ изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, вознаградитъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки.

„V. Именитое купечество, принимавшее во всеобщей ревности и рвеніи знатное участіе, да пріиметъ изъ устъ НАШИХЪ благоволеніе и благодарность. Въ ознаменованіе же тѣхъ изъ нихъ, которые принесли отличныя и важныя заслуги, повелимъ МЫ разсмотрѣть оныя, и по представленіи вознаградимъ ихъ тою же бронзовою, о каковой выше упомянуто, медалію на лентѣ Ордена Св. Анны.

„VI. Почтенное мѣщанство и крестьяне, которые трудолюбіемъ своимъ извлекаютъ изъ земли первоначальную для всѣхъ пищу, изъ среды коихъ исходитъ воинъ на защиту Отечества, и которые въ самое грозное время самолюбѣйшей войны показали духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшій примѣръ въ бытописаніяхъ, крестьяне, вѣрный НАШЪ народъ, да получитъ мзду свою отъ Бога. Мы же въ отраду понесенныхъ ими трудовъ и претерпѣній извѣщаемъ, что какъ войска НАШИ изъ запасовъ достаточно пополнены, такъ что состоятъ нынѣ въ сугубомъ противъ того числѣ людей, въ какомъ состояли при началѣ войны, то не токмо на нынѣшній годъ, но уповательно и на предбудущій или болѣе останутся они безъ набора рекрутъ. Между тѣмъ МЫ предполагаемъ и ожидаемъ несомнѣнно, что они въ наставшее послѣ жестокой брани мирное и спокойное время, пребывая вѣрны долгу и званію своему, умножатъ прилѣжаніе свое къ сельскимъ трудамъ и ремесленнымъ промысламъ, и тѣмъ исправятъ нанесенныя непріятелемъ разоренія. Господи! молю Тя, да сбудутся съ ними словеса

Прарока Твоего Давида: „*Бразды твоя упоятся и жита твоя умножатся, поля твои исполнятся тука; овцы будутъ многоплодни и волови твои толсти; удолія умножатъ пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостію препояшутся.*“ Тако да взыщетъ ихъ милость Твоя. Со стороны же человѣческаго попеченія въ удовлетвореніе всякой нуждѣ и недостатку ихъ Правительство о казенныхъ крестьянахъ приложитъ стараніе доставлять имъ всевозможныя пособія; что-жъ принадлежитъ до помѣщичьихъ крестьянъ, то МЫ увѣрены, что забота НАША о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ними Рускимъ правамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ Отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ НАСЪ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то щастливое состояніе,

въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства.

„*VII.* Наконецъ, сколь ни велики были въ толь огромную и тяжкую войну Государственные расходы, однакожъ Мы при толико радостномъ и благополучномъ окончаніи дѣлъ не можемъ удержаться отъ поспѣшенія изъявить народу НАШЕМУ неисходящую никогда изъ мыслей НАШИХЪ готовность ко всевозможному тягостей его облегченію; почему и даруемъ ему разныя льготы и милости, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ состоящія:

„1. Обращая вниманіе НАШЕ на потерю въ людяхъ отъ нашествія напріятельскаго, и признавая по справедливости платежъ за убылыхъ людей тѣмъ паче тягостнымъ, что случилось сіе въ первой годъ новой ревизіи, Повелѣваемъ во всей Имперіи сдѣлать новую перепись народа, о чемъ Государственному Совѣту и заготовить къ подписанію НАШЕМУ Указъ.

„2. Изъ подушной подати съ крестьянъ и поселянъ казеннаго вѣдомства разныхъ наименованій, равно и съ крестьянъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ, всѣ недоимки, по 1 е Января 1813 года оставающіяся въ недобор

и понынѣ невзысканныя, равно и штрафы по онымъ, положенные по Манифесту 1811 года Мая 15 дня, простить и болѣе не взыскивать.

„3. Таковыя же недоимки изъ оброчной подати съ казенныхъ крестьянъ и поселянъ разныхъ именованій не взыскивать.

„4. Недоимки и штрафы съ торгующихъ крестьянъ за производство торговъ и промысловъ, купечеству присвоенныхъ по Манифесту Февраля 11 и Указу 29 Декабря 1812 года безъ установленныхъ свидѣтельствъ, за весь 1812 и 1813 годъ простить и всѣ слѣдствія и дѣла, по онымъ производимыя, уничтожить.

„5. Всѣ недоимки въ процентномъ сборѣ съ помѣщичьихъ доходовъ, по добровольному ихъ объявленію, учрежденномъ Манифестомъ 11 Февраля 1812 года и по сіе число невнесенныя за 1812, 1813 и 1814 годы, равно и штрафы за неподачу объявленій въ срокъ, сложить и производящіяся по сему дѣла предать забвенію.

„6. Въ тѣхъ Губерніяхъ и уѣздахъ, кои наиболѣе претерпѣли отъ нашествія непріятеля и отъ бывшей въ Новороссійскомъ краю заразительной болѣзни, не взыски-

вашь и за 1813 годъ недоимки подушнаго сбора съ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, съ мѣщанъ и вольныхъ, также процентныхъ денегъ съ купеческаго капитала.

„7. Недоимка въ сборѣ единовременной, Манифестомъ 11 Февраля 1812 года учрежденной пошлины съ чаю, въ предѣлахъ Имперіи уже находившагося, яко тягость, главнѣйше падающая на Московское разоренное непріятелемъ купечество, слагается и уничтожается.

„8. Всякаго рода взысканія по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ, далѣе десяти лѣтъ продолжающіяся и кои въ теченіи таковаго времени не кончены, оставить, и естьли по подобнымъ дѣламъ гдѣ содержится кто въ тюрмѣ, то немедленно освободить.

„9. Взысканія по казеннымъ недоимкамъ съ умершихъ, падающія на ихъ наслѣдниковъ, уничтожаются и предаются забвенію.

„10. Людей, по казеннымъ долгамъ болѣе 5 лѣтъ въ тюрьмѣ содержащихся и заплатить немогущихъ, проститъ и освободить.

„МЫ надѣемся, что и частные люди при толь общемъ и радостномъ торжествѣ, послѣдуя примѣру НАШЕМУ, уступятъ изъ взысканій своихъ къ облегченію и освобожденію тѣхъ, кои въ темницахъ за неуплату имъ долговъ страдаютъ.

„11. Начеты казенные и другія такія же упущенія и утраты, ежели они неумышленны и простираются неболѣе двухъ тысячъ рублей, простишь.

„12. Положенные по дѣламъ штрафы, кои до сего времени невзысканы, уничтожишь.

„13. Содержащихся подъ стражею въ пошлинныхъ въ казну деньгахъ по исцовымъ дѣламъ, естьли гдѣ таковые окажутся, простишь и освободишь.

„14. По корчемнымъ и соляннымъ дѣламъ содержащихся подъ стражею всѣхъ освободишь, по учиненнымъ объ нихъ приговорамъ исполненія не дѣлать и всякія по симъ дѣламъ взысканія и начатыя слѣдствія оставишь.

„15. Всякаго рода и званія военнымъ людямъ, крестьянамъ и прочимъ обывателямъ, отлучившимся изъ Отечества, жилищъ и командъ ихъ самовольно, даруемъ

прощеніе, буде пребывающіе внутри Россіи возвратятся отъ сего числа въ теченіи года, а изъ иностранныхъ земель въ теченіи двухъ лѣтъ.

„16. Всѣхъ находящихся нынѣ подъ слѣдствіемъ и судомъ по разнымъ мѣстамъ чиновниковъ и всякаго званія людей по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ смертоубійства, разбоя и грабежа, учинить отъ суда и слѣдствія свободными.

„17. Преступниковъ, содержащихся нынѣ подъ стражею и осужденныхъ уже къ торговой казни и ссылкѣ въ каторжную работу, освободивъ отъ казни, сослать токмо въ работу; кои же осуждены къ тѣлесному наказанію съ отсылкою на поселеніе или въ крѣпостную работу, таковыхъ послать безъ наказанія.

„18. Распространяемъ Всемилостивѣйшее прощеніе на всѣхъ вообще содѣлавшихъ по сей день преступленія, не подвергающія ихъ по законамъ лишенію жизни, хотя бы за безгласностію и слѣдствій объ оныхъ начато еще не было.

„19. Напослѣдокъ въ главнѣйшемъ и почти всецѣломъ числѣ вѣрноподданныхъ Намъ народовъ къ сожалѣнію находимъ Мы нѣко-

торое, но къ утѣшенію весьма малое число заблуждшихъ людей, изъ которыхъ иные отъ страха и угрозъ непріятельскихъ, иные отъ соблазна и обольщеній, иные же отъ развратныхъ нравовъ и худости сердца, забывъ Священный долгъ любви къ Отечеству и вообще къ добродѣтели, пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистной сторонѣ злонамѣреннаго врага; сихъ, по мѣрѣ вины ихъ, правосудіе долженствовало бы наказать; но Мы, при толь благополучномъ и радостномъ всего свѣта торжествѣ, уступая гласу вопіющаго въ НАСЪ милосердія, даруемъ имъ безъ всякаго изъятія *всеобщее прощеніе*, въ слѣдствіе котораго Повелѣваемъ во всемъ пространствѣ области НАШЕЙ всѣхъ по симъ обстоятельствамъ взятыхъ, сосланныхъ, или инымъ какимъ образомъ задержанныхъ, освободить; такожъ имѣнія или имущества ихъ, по сему случаю конфискованныя или инымъ какимъ образомъ подъ надзоръ взятыя и по сіе время удерживаемыя, по прежнему владѣльцамъ ихъ возвратить, и всѣ слѣдствія надъ ними пресѣчь и никакихъ притязаній къ нимъ не дѣлать; словомъ, поставить ихъ въ то состояніе, въ какомъ

находились они прежде, до впаденія въ сію вину, которую МЫ Всемилостивѣйше прощаемъ и предаемъ забвенію, въ надеждѣ, что сіе препобѣжденіе милосердія НАШЕГО надъ правосудіемъ приведетъ ихъ въ полезное для нихъ раскаяніе, и что они впредь безпорочностію жизни своей изгладятъ изъ памяти людской тѣ свои поступки, которые лишали ихъ драгоцѣннѣйшаго для человѣка преимущества, уваженія благомыслящихъ людей."

Въ тотъ же день изданъ Высочайшій Рескриптъ къ Генералу отъ артиллеріи Графу Аракчееву слѣдующаго содержанія:

„Графъ Алексѣй Андреевичь! Доказанная многократными опытами въ продолженіе всего времени Царствованія НАШЕГО совершенная преданность и усердіе Ваше къ НАМЪ, трудолюбивое и попечительное исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на васъ Государственныхъ должностей, особливо же многополезныя содѣйствія ваши во всѣхъ подвигахъ и дѣлахъ, въ нынѣшнюю знаменитую войну происходившихъ, запечатлѣвая заслуги ваши НАМЪ и Отечеству, обращаютъ на нихъ въ полной мѣрѣ вниманіе и признательность НАШУ, во изъ-

явленіе и засвидѣтельствованіе которыхъ препровождаемъ Мы къ вамъ для возложенія на себя портретъ НАШЪ, пребывая навсегда къ вамъ благосклонны.“

14 Сентября 1814 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ отправился на Вѣнскій Конгрессъ.

Уже законные Европейскіе Владѣльцы заняли престолы свои; уже казалось, что Европа успокоится отъ тридцатилѣтнихъ бурь подъ сѣнію благодатнаго мира. Но развратъ страстей снова возшумѣлъ. Слыша призывный его вопль, чудовище, упитанное кровію народовъ и еще алчущее крови, выхлынуло изъ волнъ морскихъ на берега Франціи съ горстію сообщниковъ и уже ожидаемое тысячами прежнихъ сообщниковъ.

Снова ополчилась Европа; снова Король Людовикъ оставилъ Парижъ съ немногими вѣрными служителями престола. Порокъ и злоба ликовали. Но владычество *Эльбскаго бѣглеца* продолжалось только *сто* дней, дней пагубныхъ, воспалившихъ и раздражившихъ страсти. Іюня 3 при селеніи *Бель-Альянсѣ*, то есть *изящномъ союзѣ*, произошла кровопролитная битва. *Веллингтонъ* на-

чалъ ее; *Блюхеръ* довершилъ. Бѣжалъ и отсюда, бѣжалъ переодѣтый бѣглецъ, привыкшій къ бѣгству.

Іюня 28 Людовикъ въѣхалъ въ Парижъ въ сопровожденіи Королевскихъ Принцевъ и гвардіи, устоявшей въ вѣрности.

28 Іюня 1815 года Россійскій ИМПЕРАТОРЪ и Ихъ Императорскія Высочества НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЬ и МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЬ прибыли въ столицу Франціи.

Наполеонъ Бонапартъ, ввѣрившій жизнь свою морскимъ волнамъ, захваченъ былъ Англичанами и отправленъ на островъ Елену. Все пространство благодѣтельнаго Океана отдѣлило отъ Европы опустошителя и возмутителя Европы.

25 Іюля часть *Галиціи*, 1809 года уступленная Австріей Россіи, отдана обратно въ слѣдствіе разпоряженій Конгресса.

Границы областей перемѣняются; но сущность спасительныхъ правилъ, охраняющихъ Царства и народы, остаются неизмѣнными.

Въ наше время вселенная была отверстою книгою, которая представила намъ паденіе насилія и злобы и торжество милосердія и правоты.

Небесный Творецъ! къ божественнымъ стопамъ Твоимъ повергая славу свою, Россія и Самодержецъ ея вѣщали: *Не намъ, не намъ, но имени Твоему.*

Отецъ людей! храни Россію! храни человѣчество! Да не возмущаютъ разрушительныя бури ни природы, ни сердецъ человѣческихъ! да благоденствуютъ народы подъ сѣнію Вѣры, мира и добродѣтели!

КОНЕЦЪ.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Непзмѣннымъ будетъ историческимъ памятникомъ Высочайшій Манифестъ, обнародованный 1816 года Января 1 го дня. Въ ономъ представлена живая и разительная картина времени, предшествовавшаго отечественной й заграничной войнѣ, изображеніе трехъ лѣтъ, протекшихъ въ буряхъ войны и увѣнчавшихъ Руское оружіе миролюбивою славой. И такъ священнымъ долгомъ поставляю предложить здѣсь Манифестъ, вмѣщающій въ себѣ и славу Россіи и душевныя желанія ея Самодержца.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
Всероссійскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Возвѣщаемъ всенародно.

Событія на лицѣ земли, въ началѣ вѣка сего въ немногіе годы совершившіяся, суть толь важны и велики, что не могутъ никогда изъ бытописаній рода человѣческаго изгладиться. Сохраненіе ихъ въ памяти народовъ нужно и полезно для нынѣшнихъ и будущихъ племенъ. Рука Господня, Ему единому извѣстными, но явными очамъ смертнаго путями, вела ихъ, сораспола-гала, сцѣпляла, устрояла, да исправитъ людскія неустройства, да упишитъ колеблющіяся волны умовъ и сердецъ, и да изъ нѣдръ смѣси и боренія изведетъ порядокъ и покой. Богъ сильный низложилъ гордость; Премудрый разогналъ тьму; Источникъ милосердія и благости не допустилъ людямъ во мракѣ страстей своихъ погибнуть. И такъ пройдемъ кратко теченіе всѣхъ сихъ произшествій. Возвѣстимъ ихъ

народу НАШЕМУ, не для тщеславія, но для пользы его и наставленія. Да прочтетъ дѣла и судъ Божій; да воспалится къ Нему любовію, и вмѣстѣ съ Царемъ своимъ во глубинѣ сердца и души своей воскликнетъ: *Не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему.* Тако да сохранится память о семъ въ роды родовъ.

Люшая, кровавая, разорительная, нынѣ промысломъ Всевышняго благополучно окончанная война, ни причинами своими, ни огромностію ополченій, ни превратностію обстоятельствъ, не подобна никакимъ извѣстнымъ доселѣ въ бытописаніяхъ войнамъ. Она есть особенное, небывалое на земномъ шарѣ приключеніе, и какъ бы нѣкое во внутренностяхъ ада предуготованное зло, на потрясеніе и пагубу всего свѣта возникшее и усилившееся до такой степени, до какой праведнымъ судьбамъ Всевышняго угодно было допустить оное. Начало и причина сей войны, безпрестанно тлѣвшей, многократно вновь и вновь возгаравшейся, потухавшей иногда, но для того токмо, дабы съ новою силою и люшостію воспылать, возвеличиться, усилиться и скоро потомъ

изъ величайшей силы упасть, сокрушитъся, опять возстать и опять низринуться, являютъ нѣчто непостижимое и чудесное. Она съ самаго начала своего, какъ нѣкое багровое, огнями и млѣтворными дыханіями чреватое облако, возстала не изъ случайнаго состязанія одного Царства съ другимъ, возстала не съ тѣмъ, чтобъ погаснуть; но чтобъ, по истребленіи въ сердцахъ человѣческихъ всѣхъ Богомъ насажденныхъ добродѣтелей, всѣми послѣдующими изъ того бѣдствіями насытиться и не прежде, какъ въ пролитой крови всего рода смертныхъ утонуть. Она есть порожденное злочестіемъ нравственное чудовище, въ отпадшихъ отъ Бога сердцахъ людскихъ угнѣздившееся, млекомъ лжемудрости воспитанное, таинствомъ злоухищренія и лжи облеченное, долго подъ личиною ума и просвѣщенія изъ страны въ страну скитавшееся и медоточными успами въ неопытныя сердца и нравы сѣмена развратa и пагубы сѣявшее. Чудовище сіе, въ юности своей злобное, но лукавое, въ возрастѣ же лютое и наглое, изливаетъ первую ярость свою на гнѣздо, въ которомъ родилось. Народъ, возлелѣявшій оное

и зловреднымъ дыханіемъ его зараженный, поправъ вѣру, престолъ, законы и человѣчество, впадаетъ въ раздоръ, въ безначаліе, въ неистовство, грабитъ, казнитъ, терзаетъ самого себя, и кидаясь изъ бѣшенства въ бѣшенство, изъ злодѣянія въ злодѣяніе, осквернённый убійствомъ верховныхъ властей своихъ и всего, что было въ немъ лучшаго и почтеннѣйшаго, избираетъ себѣ въ начальника, потомъ въ Царя, простолюдина, чужеземца. Сей тако посреди пылкости страстей богоотступнаго народа воцарившійся чужеземецъ, сначала лицемѣрствуетъ, выдаетъ себя за возстановителя благонравія и порядка, за истребителя того изрыгнутаго злочестіемъ и безвѣріемъ чудовища, которое тѣми же когтями угрожало растерзать цѣлый свѣтъ, которыми растерзало утробу матери своей, Франціи; но вскорѣ потомъ, вмѣсто истребителя онаго, является первѣйшимъ его воиномъ и поборникомъ. Сопрягшись съ нимъ душою и мыслями, надежный на успѣхи распространеннаго имъ безнравія, проложившаго ему путь къ возвышенію; напыщенный любовію къ одному себѣ и презрительнымъ хладнокровіемъ ко всему

роду человѣческому, мощный многолюдствомъ, слѣпотою и дерзостію своего народа, собираетъ онъ великое воинство, и устремляется съ неимовѣрною яростію на разрушеніе сосѣдственныхъ и отдаленныхъ Царствъ. Успѣхи сопровождаютъ всѣ его шаги. Державы едина за другою предъ нимъ преклоняются. Рѣки пролитой крови доставляютъ ему господство. Онъ низвергаетъ съ престоловъ законныхъ Государей, дѣлитъ, слагаетъ новыя области, и поставляетъ надъ ними изъ семейства своего подъ именемъ Королей начальниковъ подъ собою. Начинаетъ войну, дабы расхищеніемъ имуществъ, обобраніемъ людей, занятіемъ крѣпостей и налогами страшныхъ даней не токмо разорить городъ или область, но и въ мирѣ съ нею быть ея полнымъ повелителемъ. Мирится, вступаетъ въ союзъ, дабы, наруша договоры, безконечными требованіями и насильственными средствами ослабить, истощить союзника, и новою потомъ войною наложить на него узы совершеннаго порабощенія. — Неслыханное дѣло: воюетъ съ однимъ Царствомъ, и въ то же время людьми того Царства воюетъ съ другимъ! Даже часто

вооружаетъ ихъ противъ собственнаго ихъ отечества, и вѣрность ихъ къ оному называетъ измѣною! Сими неистовыми, безчеловѣчными способами, присовокупляя къ нимъ ужасъ казней, расточеніе награбленныхъ корыстей, языкъ лжи и обмана, гласъ надменности и повелительства, достигаетъ до того, что дѣлается столико же силенъ оружіемъ, колико страшенъ наглостію и свирѣпствомъ. При всякомъ кровопролитіемъ, или хитростію, или угрозами одержанномъ успѣхѣ, гордость его выше и выше возрастаетъ. Онъ предпріемлетъ присвоить себѣ, Богу токмо единому свойственное право, *единовластнаго надъ всѣми владычества.* Предпріятіе безумное, безразсудное; но не меньше того кровавое, пагубное, ужасное: Богопочитаніе и вѣроисповѣданіе угрожаемы были паденіемъ; поставленные отъ Бога Цари долженствовали отрещись отъ власти управлять своими подданными; народы осуждались не имѣть ни отечества своего, ни законовъ, ни языка, ни свободы, ни собственности, ни торговли, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни добродѣтелей; просвѣщеніе, науки, художества, искусства,

промышленность, словомъ, всѣ трудолюбивыя дѣянія человѣческія низвергались въ первобытный мракъ и невѣжество, изъ коихъ чрезъ многіе вѣки, труды и опыты главу свою подъяли. Всеобщее рабство долженствовало произвесть всеобщую бѣдность и взаимное другъ друга истребленіе. Въ сихъ богопротивныхъ помыслахъ, нещадящій никакихъ потоковъ крови, не признающій никакой законной власти, не уважающій никакихъ правъ народныхъ, возмечталъ онъ на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать въ видѣ Божества на гробѣ вселенной.

Съ сей высоты великихъ надеждъ и мечтаній своихъ обращаетъ онъ завистные взоры свои на Россію. Напыщенный побѣдами и покореніемъ многихъ земель, полагаетъ онъ ее удобопреодолимою, но еще для него страшною и могущею воспрепятствовать, или по крайней мѣрѣ воспротивиться устремленнымъ на завладѣніе всего свѣта пагубнымъ его намѣреніямъ. И такъ, дабы сломить и расторгнуть сію единственную преграду, напрягаетъ, совокупляетъ онъ всѣ свои силы, приневоливаетъ всѣ подвластныя и зависящія отъ

него Державы и народы соединишься съ нимъ, и съ симъ ужаснымъ, изъ двадцати Царствъ составленнымъ ополченіемъ, не преставая къ силѣ прилагать обманы и съ приготовленіемъ брани твердить о продолженіи мира, приближается къ предѣламъ Россійской Имперіи, и въ то же самое время, безъ всякаго объявленія войны, вторгается стремительно въ ея области. Тако, на подобіе быстрой съ горъ водотечи, завоеватель сей, мощный силою, неукротимый злобою, течетъ, несется въ самую грудь ея. На пути, покупая каждый шагъ кровію, движется, грабитъ, истребляетъ села, пожигаетъ грады, разоряетъ Смоленскъ, и достигнувъ до Москвы, предаетъ ее хищенію и пламени. Торжествуетъ, злодѣйствуетъ, ругается надъ человѣчествомъ, надъ Святынею.

Какая оставалась надежда къ спасенію? Когда великому злу сему, въ началѣ еще возникающему, вся Европа не могла воспротивиться, то возможно ли было ожидать, чтобъ семужъ самому злу, толь высоко возросшему и силами всей Европы утучненному, единая, и та уже глубоко уязвленная, Россія могла поставить оп-

лопъ? Но что воспослѣдовало? О Провидѣніе! Мечь, сѣкира, гладъ и мразъ соединяются на пагубу пришедшихъ съ яростію и бѣгущихъ со страхомъ изъ Москвы враговъ. Не спасаетъ ихъ ни многочисліе, ни оборона, ни бѣгство. Месть Божія совершается надъ ними. Не помогаетъ имъ оставленіе всѣхъ орудій, всѣхъ колесницъ съ порохомъ, съ золотомъ, съ корыстями; кони ихъ падаютъ подъ ними; сколь велико было число войскъ ихъ при входѣ, столь велико число труповъ ихъ при выходѣ. Образъ истребленія и казни ихъ ужасаетъ природу: мертвыя снѣдаемыя вранами шѣла на окостенѣлыхъ лицахъ своихъ являли отчаяніе, и рука смерти не могла изгладить застывшихъ на нихъ при послѣднемъ издыханіи мучительныхъ чувствъ святотатства и злодѣянія. Тако всѣ умирали. Единый повелитель ихъ, избѣгшій отъ погибели и плѣна, съ немногими полководцами своими уходитъ въ свою землю. Россійскіе воины, спасшіе Отечество свое, идутъ спасти Европу. Народы, по неволѣ противъ нихъ ополченные, видя ихъ дружественно къ нимъ приближающихся, возникаютъ, возстаютъ духомъ мужества,

соединяются съ ними и единъ по единому, разрывая узы порабощенія, оружіе свое съ радостію на истиннаго врага своего обращаютъ. Онъ, какъ разбитая вѣтрами, но еще угрюмая и мрачная туча, скопляется, усиливается, исходитъ на брань. Новыя рѣки крови текутъ и никакія бѣдствія человѣческія не могутъ подвигнуть свирѣпой души его къ миролюбію. Гордость обладаетъ всѣмъ свѣтомъ, и алчность къ истребленію всего, не погасаютъ въ сердцѣ его даже и тогда, когда послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ пораженъ, расторженъ и разсѣянъ, утекаетъ онъ въ свою беззащитную столицу. Тамъ еще ополчается, еще собираетъ воинство, еще отвергаетъ миръ, и новыми усиліями и бранями доводитъ себя и народъ свой до совершеннаго изнеможенія, доводитъ, и низвергается съ похищеннаго имъ престола въ прежнее свое ничтожество.

Тако пріуготовляемая цѣлымъ вѣкомъ, возросшая семнадцатилѣтними успѣхами и побѣдами, сооруженная на кострахъ костей человѣческихъ, на кожарахъ и разореніяхъ градовъ и Царствъ, исполинская власть, угрожавшая поглотить весь свѣтъ,

падаетъ безъ возстанія во едино лѣто, и Россійскіе, какъ бы крылатые воины, изъ подъ стѣнъ Москвы, съ окомъ Провидѣнія на груди и со крестомъ въ сердцѣ, являются подъ стѣнами злочестиваго Парижа. Сія гордая столица, гнѣздо мятежа, разврата и пагубы народной, усмиренная страхомъ, отверзаетъ имъ врата, пріемлетъ ихъ, какъ избавителей своихъ, съ распростертыми руками и радостнымъ восторгомъ; имя чужеземнаго хищника изглаживается, воздвигнутые въ честь ему памятники низвергаются долу, и законный Король издревле владѣтельнаго Дома Бурбоновъ, Людовикъ XVIII, въ залогъ мира и тишины, по желанію народа возводится на прародительскій престолъ. Тамъ — о чудное зрѣлище! — тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изрыгнутое адомъ злочестіе свирѣпствовало и ругалось надъ вѣрою, надъ властію Царей, надъ духовенствомъ, надъ добродѣтелію и человѣчествомъ; гдѣ оно воздвигало жертвенникъ и курило фиміамъ злодѣйству; гдѣ нещастный Король Людовикъ XVI былъ жертвою буйства и безначалія; гдѣ, въ страхъ добронравію и въ ободреніе неистовству,

повсюду лилася кровь невинности: тамъ, на той самой площади, посреди покрывавшихъ оную въ благоустройствѣ различныхъ Державъ войскъ и при стеченіи безчисленнаго множества народа, Россійскими священнослужителями, на Россійскомъ языкѣ, по обрядамъ православной нашей Вѣры приносится торжественное пѣснопѣніе Богу, и пѣ самые, которые оказали себя явными отъ него отступниками, вмѣстѣ съ благочестивыми сынами Церкви преклоняютъ предъ Нимъ свои колѣна во изъявленіе благодарности за посрамленіе дѣлъ ихъ и низверженіе ихъ власти! Тако водворяется на землю миръ, кровавыя рѣки престаютъ течь, вражда всего Царства превращается въ любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушіемъ и пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

Кто человѣкъ, или кто люди, могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій? Ему, Ему единому слава! Забвеніе Бога, отпаденіе отъ вѣры воскормило сію войну, сіе лютое чудовище, упучнѣвшее кровососаніемъ жертвъ, отрастившее черныя

крылья свои, дабы, летая по свѣту, стряса-ешь съ нихъ дождь бѣдствій и золъ на землю. Вѣчная правда Божія допустила возрасти оному, да накажется родъ человѣческій за преступленіе свое, да пострадѣетъ и научится изъ сего ужаснаго примѣра, что въ единомъ страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и безопасность людей. Но положивый тако въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, не до конца гнѣвающійся Господь, видя чудовище сіе готовымъ превзойти мѣру дерзновенія своего, обращаетъ на него взоръ прещенія: тогда власть его мгновенно преходитъ, сила разрушается, очарованіе исчезаетъ, и оно, повсюду гонимое, расперзанное, притекаетъ погибнуть съ шумомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло и отколѣ толь высоко вознесло ядовитую свою главу.

Таковъ былъ конецъ лютой, долговременной брани народовъ. Умолкъ громъ оружія, престала литься кровь, потухли пожары градовъ и Царствъ. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную. Глава и предводитель сей ужасной войны, Наполеонъ Бонапарте, отрекшись отъ похищеннаго имъ прето-

ла, предается въ руки своихъ противу-борниковъ. Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику изречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанетъ онъ на страшномъ Судѣ, всемірною кровію обліянный, предъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе! По таковому мнѣнію союзныхъ Державъ предложили онѣ безъ всякой мести дружелюбную руку Французскому народу, дали въ удѣлъ Наполеону Бонапарте, для всегдашняго пребыванія его, острова Эльбу, и приступили къ утвержденію на прочномъ основаніи мира и къ приведенію въ порядокъ разстроенныхъ толикими войнами и насильствами Европейскихъ дѣлъ и обстоятельствъ. Но между тѣмъ какъ съ одной стороны благонамѣреніе пеклось о возстановленіи всеобщаго покоя и тишины, съ другой злонамѣреніе не переставало помышлять о разрушеніи оныхъ. — Духъ злочестія и гордости не знаетъ раскаянія, не покидаетъ злыхъ своихъ умысловъ; лишенный власти, онъ таится въ сердцахъ развратныхъ людей; обезоруженный вооружается ухищреніями; низверженный си-

лится возстать; пощада раждаетъ въ немъ новую злобу и месть. Бонапарте, по тайнымъ крамоламъ и сношеніямъ съ своими единомысленниками, уходитъ съ острова Эльбы, приплываетъ съ немногими своими приверженцами къ Французскимъ берегамъ. — При каждомъ шагѣ находитъ онъ новыхъ себѣ сообщниковъ. Посланныя противъ него, пріученныя имъ къ войнамъ и грабительствамъ, Королевскія войска, поощряемыя толико же развращенными предводителями къ измѣнѣ законному Королю своему, предаются снова беззаконному хищнику. Народъ, отчасти буйственный и мятежный, отчасти устрашенный и приневоленный, пріемлетъ и снова провозглашаетъ Императоромъ своимъ низверженнаго и отрекшагося навсегда отъ обладанія Франціею чужеземца. Король удаляется и столица Франціи отворяетъ врата свои бѣглецу съ Эльбы. Симъ образомъ вновь возникаетъ злочестіе, вновь возносится черная злодыщущая туча, вновь возгарается толикою кровію и бѣдствіями попущенная война. Но Богъ и здѣсь являетъ чудотворную благость Свою: зломыслiе, мнившее возстановить прежнюю

власть и величіе свое на разногласіи союзныхъ Державъ, находитъ ихъ противъ чаянія своего единодушными. Всѣ силы ихъ неукоснительно обращаются на попушеніе сего внезапу вспыхнувшаго изъ пепла пламени. Новособранныя силы бѣглеца подъ собственнымъ его предводительствомъ поражаются кровопролитнымъ, но послѣднимъ ударомъ. Тако духъ брани и гордости вторично низлагается и умолкаетъ, послѣднія искры его погасаютъ, народное волненіе утихаетъ, Король Людовикъ XVIII возвращается въ Парижъ, Наполеонъ Бонапарте отвозится въ заточеніе на окруженный пространствомъ Океана островъ Святыя Елены, и миръ, всеобщій миръ, къ радости и благоденствію всѣхъ народовъ, процвѣтаетъ на моряхъ и на земли.

„Что изречемъ, Россіяне, любезные НАШИ вѣрноподданные? Какими преисполнимся чувствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ событій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли! МЫ претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; но Богъ

избралъ насъ совершить великое дѣло: Онъ праведный гнѣвъ свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли Отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землю миръ и тишину, отдали законному Королю отъятый у него престолъ, возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей свою силу, простотѣ нашей свою мудрость, слѣпотѣ нашей свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу, и покажетъ свѣту, что мы ни кому нестрашны, но и никого не страшимся.

„Благочестіе, Вѣра и вѣрность твоя, Россійское Христолюбивое воинство и народъ, ознаменовались милостію къ тебѣ

Божескою. По краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный Судія сердецъ, обращается къ намъ милосердіемъ и покрываетъ насъ невечернимъ свѣтомъ славы. Въ щедротѣ Его является купно и спасительное для насъ поученіе. Да пребываетъ всегда въ памяти и предъ очами нашими претерпѣнное нами наказаніе и приводящая природу въ содроганіе ужасная казнь, постигшая враговъ нашихъ. Она громче небесной трубы вопіетъ намъ: се плоды безбожія и безвѣрія! Сія страшная мысль, проницая во глубину душъ нашихъ, да преходитъ потомъ въ утѣшительное и радостное воспоминаніе о неизреченномъ къ намъ милосердіи Божіемъ, и слава, которою Онъ увѣнчалъ главы наши, да проливаетъ свѣтлѣйшій солнца свѣтъ свой въ чистыя сердца наши, воспаляя въ нихъ благодарность къ Богу и любовь къ добродѣтели!

„МЫ, послѣ толикихъ произшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго НАМЪ народа, недоумѣваемъ въ изъявленіи ему НАШЕЙ благодарности. МЫ видѣли твердость его въ Вѣрѣ, видѣли вѣрность къ Престолу,

усердіе къ Отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать; видимъ и съ НАМИ видитъ вся вселенная. Кто кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ и что можетъ ему воздать? Награда ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. НАМЪ же, преисполненнымъ любовію и радостію о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ НАШИХЪ призывать на него вся благая: да славится, да процвѣтаетъ, да благоденствуетъ онъ подъ всесильнымъ Его покровомъ въ роды родовъ!"